

ISSN 0202-151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1990

1

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1990

1

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чл.-кор. АН СССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*),
акад. АН УзССР А. А. АСКАРОВ (*зам. главного редактора*),
акад. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, чл.-кор. АН УзССР
П. Г. БУЛГАКОВ, чл.-кор. АН УзССР Ж. Т. ТУЛЕНОВ
(*зам. главного редактора*), чл.-кор. АН УзССР М. М. ХАЙ-
РУЛЛАЕВ (*зам. главного редактора*), доктор ист. наук
З. Х. АРИФХАНОВА, доктор ист. наук Ш. С. ЗИЯМОВ, док-
тор ист. наук М. И. ИСКАНДЕРОВ, доктор филол. наук
Э. А. КАРИМОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН, доктор
экон. наук П. Х. НАСЫРОВ, доктор филос. наук Х. П. ПУЛА-
ТОВ, доктор ист. наук Р. Я. РАДЖАПОВА, доктор юр. наук
Х. Р. РАХМАНКУЛОВ, доктор ист. наук Г. Р. РАШИДОВ,
доктор экон. наук Р. А. УБАЙДУЛЛАЕВА, доктор ист. наук
А. У. УРУНБАЕВ, доктор экон. наук К. А. ХАСАНДЖАНОВ,
доктор филос. наук С. ШЕРМУХАМЕДОВ, доктор ист. наук
А. М. ЮЛДАШЕВ, канд. ист. наук Р. Х. СУЛЕЙМАНОВ,
Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 32-73-29, 39-04-83.*

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1990 г.

Редактор *И. Маркиан*
Технический редактор *Г. Негматова*

Сдано в набор 2.02.90. Подписано к печати 15.02.90. P07313. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типограф-
ская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,90. Усл. кр. отт. 5,11. Уч.-
изд. л. 5,5. Тираж 963. Заказ 42. Цена 65 к.

Издательство «Фан» УзССР: 700047, Ташкент ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР: 700170. Ташкент, проспект М. Горького, 79.

А. А. АЗИЗХОДЖАЕВ

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ЕЕ СООТНОШЕНИЕ С ДРУГИМИ ВИДАМИ ПРАВООХРАНЫ

В нашей юридической литературе высказываются различные взгляды относительно понимания сути правоохранительной функции. В целом их можно условно подразделить на две основные группы. Первая — это узкая, сугубо специализированная трактовка правоохранительной функции. Достаточно четко она отражена в изданной почти 30 лет назад монографии И. С. Самощенко¹, которая до сих пор в целом представляет значительный научный интерес. Сформулированная автором концепция правоохранительной деятельности, хотя и не бесспорна, но без ее учета трудно продвинуться вперед в научной разработке данной проблемы. Напомним, что в своих рассуждениях И. С. Самощенко исходит из следующих основных позиций. Он называет «государственное принуждение к исполнению требований советского права ...правоохранительной деятельностью государства, правоохранной»², т. е. по существу ставит знак равенства между правоохранительной деятельностью Советского государства и государственным принуждением к исполнению требований советского права³. Как видно, автор стоит на позиции узкой, ограниченной трактовки правоохранительной деятельности, хотя и признает, что термин «охрана права от нарушений» может употребляться и в более широком смысле⁴.

Ценным в концепции И. С. Самощенко является то, что он существенно акцентирует внимание на охране права, правовых норм от нарушений и посягательств и подчеркивает роль в этом деле государственного принуждения. Интересны его мнение о том, что правоохранительная деятельность представляет собой активно-властную, многостороннюю и сложную деятельность, а также предложенная им конструкция составных частей этой деятельности.

Однако в целом такая, хотя и четко раскрывающая одну, причем очень важную сторону анализируемой деятельности характеристика недостаточна, она не является полной и исчерпывающей, отражающей все многообразие, сложность и многоплановость правоохранительной деятельности. Нельзя также согласиться с общим выводом о том, что «правоохранительная деятельность Советского государства является важным специфическим методом обеспечения социалистической законности путем непосредственной борьбы с ее нарушениями»⁵. Думается, что на деле все обстоит наоборот. Социалистическая законность непосредственно связана с правоохранительной деятельностью (функ-

¹ Самощенко И. С. Охрана режима законности Советским государством. М., 1960.

² Там же. С. 68—89.

³ Там же. С. 94.

⁴ Там же. С. 89.

⁵ Там же. С. 198.

цией) Советского государства, представляет в данном случае основной метод ее осуществления.

Мы вслед за рядом авторов (Т. М. Шамба, С. Э. Жилинский и др.) стоим на позиции широкого понимания правоохранительной функции. Учитывая обусловленность, связанность между собой главных задач и функций Советского государства, мы полагаем, что, помимо борьбы с преступностью и иными правонарушениями, в содержание правоохранительной функции входят поддержание, обеспечение установленного правопорядка, создание оптимальных условий для действия правовых институтов, беспрепятственного осуществления всеми субъектами (гражданами, учреждениями, предприятиями, организациями и т. д.) их прав и обязанностей⁶. Думается, что в нее должны быть включены такие важные и относительно самостоятельные направления, как профилактика правонарушений, правовое воспитание и обучение и др.

В литературе мы находим различные варианты наименования рассматриваемой функции. Например, Т. М. Шамба функцию охраны социалистического правопорядка и правоохранительную функцию Советского государства рассматривает как идентичные понятия. Он пишет: «...Нам представляется, что было бы более точным называть данную функцию государства «функцией охраны, поддержания и укрепления правопорядка». Тем не менее, считаясь со сложившимися в литературе традициями и привычным словоупотреблением... мы будем пользоваться термином «правоохранительная функция (деятельность, система), имея в виду более широкий их смысл по сравнению с понятием «охрана»⁷.

С. Э. Жилинский относит охрану правопорядка (ссылаясь на ч. 1 ст. 4 Конституции СССР) к одной из основных функций общенародного государства⁸. Далее он рассматривает как идентичную указанную выше функцию правоохранительной деятельности Советского государства⁹.

Думается, что не стоит четвертую основную внутреннюю функцию Советского государства характеризовать расширительно, определять как функцию охраны правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан¹⁰. Во всяком случае тут нужны соответствующие разъяснения, дифференцированный подход. Например, с обеспечением интересов общества связано осуществление всех основных функций Советского государства. Что касается обеспечения прав и свобод граждан, то в решение этой задачи вписываются и осуществляемые Советским государством и его органами такие, например, основные и наиболее перспективные с точки зрения их будущего развития функции, как хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная функция. Помимо этого, при широкой трактовке понятия «социалистический правопорядок» обеспечение прав и свобод граждан поглощается им.

Для уяснения характера правоохранительной деятельности существенное значение имеет также выявление соотношения непосредственной охраны правопорядка и профилактики правонарушений. Эти два понятия, конечно, связаны непосредственно друг с другом.

КПСС и Советское государство, ведя наступательную борьбу по всем линиям с нарушениями социалистического правопорядка, вместе с тем последовательно принимают комплексные меры в области про-

⁶ См.: Шамба Т. М. КПСС и органы охраны правопорядка. М., 1979. С. 10.

⁷ Там же.

⁸ Жилинский С. Э. Деятельность КПСС и Советского государства по укреплению социалистической законности. М., 1983. С. 143.

⁹ Там же. С. 145.

¹⁰ Там же. С. 39.

филактики правонарушений. Такой курс предопределен политикой нашей партии и Советского государства.

Значительное внимание разворачиванию и совершенствованию профилактической деятельности было уделено в постановлении ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями». В нем определены конкретные меры, направленные на дальнейшее совершенствование профилактики правонарушений, предусмотрено, чтобы в перспективных и годовых планах работы партийных организаций по коммунистическому воспитанию трудящихся содержались комплексные меры по профилактике правонарушений.

Специалистами в области теории государства и права, юристами-административистами и особенно криминологами разработаны теоретические основы профилактики правонарушений, созданы исследования, посвященные практике ее осуществления¹¹. Несмотря на расхождения в понимании характера профилактики, почти все авторы едины во мнении, что необходимо, прежде всего, комплексный подход к исследованию и предотвращению такого антисоциального явления, как правонарушения, преступность. В литературе получило обоснованное распространение представление о профилактике правонарушений (преступности) как о широком комплексе взаимосвязанных мероприятий (точнее, направлений деятельности), проводимых государственными и общественными органами, а также как о средстве специального (специально-криминологического) предупреждения¹². Можно также говорить о профилактике преступности и о профилактике административных правонарушений¹³.

Деятельность Советского государства и его органов по профилактике правонарушений имеет прочные юридико-нормативные основания. В частности, предусмотренные Конституцией СССР задачи воспитания человека, а также успешное выполнение норм ст. 4 Конституции немыслимы без комплексной профилактической деятельности государственных органов и общественных организаций. Закон о трудовых коллективах (ст. 17) предусматривает, что эти коллективы участвуют в работе по предупреждению правонарушений, осуществляют меры по перевоспитанию лиц, совершивших правонарушения.

Необходимо также проанализировать соотношение контрольной деятельности, надзора и правоохранительной деятельности. Прежде всего отметим, что контрольная деятельность является в значительной мере и правоохранительной¹⁴, поскольку в процессе контроля не только фиксируется состояние дел на тех или иных участках сферы правопорядка, дается оценка действиям соответствующих государственных органов и должностных лиц, но и вскрываются упущения, недостатки, намечаются и осуществляются меры по укреплению законности, порядка и дисциплины в различных областях хозяйственной, социально-культурной жизни.

Стало быть, контроль имеет всеобъемлющее, универсальное значение, тогда как правоохранительная деятельность носит более узкий, специализированный характер. Контрольная деятельность в той или иной мере присуща всем органам Советского государства. Но среди них (органов власти, управления, народного контроля, проку-

¹¹ См.: Саркисов Г. С. Социальная система предупреждения преступности. Ереван, 1975; Теоретические основы предупреждения преступности. М., 1977; Аванесов Г. А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980; Проблемы комплексного планирования профилактики правонарушений. Рига, 1983; и др.

¹² См.: Теоретические основы предупреждения преступности. С. 41—42; и др.

¹³ Профилактика административных правонарушений является важнейшим компонентом специальной отрасли.

¹⁴ Лукьянов А. И. Развитие законодательства о советских представительных органах власти. М., 1978. С. 276.

ратуры и др.) особое место занимают Советы, для деятельности которых, по словам В. И. Ленина, характерно то, что они «сосредоточивают в своих руках... контроль за исполнением законов»¹⁵.

Правоохранительная деятельность имеет целью защиту, охрану социалистического правопорядка от всяких нарушений, противоправных действий и посягательств. В этом смысле с нею несколько сходна контрольная деятельность, поскольку она также направлена в конечном счете и на охрану действующего правопорядка. Но в отличие от правоохранительной деятельности, контрольная деятельность в значительной мере имеет организующе-созидательный характер.

Надзор (прокурорский, административный) имеет также свои особенности по сравнению с контрольной деятельностью. Целевое назначение прокурорского надзора четко выражено в Конституции СССР и имеет совершенно определенную правоохранительную направленность — осуществление высшего надзора за точным и единообразным исполнением законов всеми министерствами, государственными комитетами и ведомствами, предприятиями, учреждениями и организациями, исполнительными и распорядительными органами местных Советов народных депутатов, колхозами, кооперативными и иными общественными организациями, должностными лицами, а также гражданами. Прокурорский надзор, осуществляемый специализированными правоохранительными органами — Генеральным прокурором СССР и подчиненными ему прокурорами, входит составной частью в правоохранительную деятельность Советского государства. В то же время прокурорский надзор имеет глубокие органические связи с контрольной деятельностью, осуществляемой другими государственными органами, в первую очередь — Советами народных депутатов, органами государственного управления, народного контроля.

Например, деятельность органов народного контроля основывается на строгом соблюдении социалистической законности, способствует охране правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан (ст. 4 Закона о народном контроле в СССР). Таким образом, наличие тесная, законодательно закрепленная, функциональная связь контрольной деятельности с работой по укреплению правопорядка. Осуществляя свои контрольные задачи и функции, органы народного контроля строят свою работу по взаимодействию с постоянными и иными комиссиями Советов, ведут борьбу с нарушениями государственной дисциплины и социалистической законности в контакте с органами прокуратуры, внутренних дел, юстиции, государственного арбитража и судами. Иначе говоря, контрольная деятельность в данном случае теснейшим образом увязана с правоохранительной, с государственными органами, ее осуществляющими. Хотя деятельность органов народного контроля не распространяется на работу органов прокуратуры, связанную с осуществлением прокурорского надзора, при установлении комитетами народного контроля нарушений государственной дисциплины или требований советского законодательства материалы о хищениях, злоупотреблениях и других действиях должностных лиц, выявленных проверками и влекущих уголовную ответственность, комитеты народного контроля направляют в органы прокуратуры.

С другой стороны, имеется связь деятельности по осуществлению прокурорского надзора с работой народного контроля (как, впрочем, государственных органов: министерств, государственных комитетов и ведомств, исполнительных и распорядительных органов местных Советов, государственного арбитража). В частности, осуществляя общий надзор, прокурор в пределах своей компетенции опротестовывает про-

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 481.

тиворечащие закону акты, издаваемые органами народного контроля, вносит представления должностным лицам об устранении нарушений закона, причин нарушений и способствующих им условий.

На наш взгляд, наиболее полная, хотя и несколько растянутая, но достаточно адекватная определяемому явлению формулировка понятия «правопорядок» принадлежит В. В. Борисову: «Правовой порядок есть состояние общественной жизни социалистического общества, характеризующееся внутренне согласованной и урегулированной Советским государством системой правовых отношений и связей; основанное на точной реализации требований и принципов социалистического права и законности, охране субъективного права и выполнении юридической обязанности каждым его участником; обеспечивающее претворение в жизнь политики и интересов КПСС, общенародного государства (его органов, учреждений, предприятий, общественных организаций и объединений трудящихся, интересов, свобод, ответственности советского человека в целях построения коммунизма)¹⁶. В этом определении, которое во многом носит системный и всеохватывающий характер, имеется, на наш взгляд, один существенный недостаток: оно чрезмерно статично, в нем отсутствует тот необходимый элемент динамизма, который должен быть присущ правопорядку, а именно — результативность, эффективность осуществления, охраны действующей в обществе системы правовых норм и предписаний. А решение этого вопроса на практике, в теории, а следовательно, и в определении понятия «социалистический правовой порядок» возможно только на путях его соединения с институтом социалистической законности.

Нам представляется, что совершенно правы те авторы, которые связывают воедино понимание социалистического правопорядка с характером и целью социалистической законности как главного метода деятельности государства. Только так можно выработать правильный и целостный подход, системно определить существо правопорядка. Поэтому столь актуален акцент, который делается при определении правопорядка как системы общественных отношений, складывающейся в результате выполнения всех юридических норм, на том, что собирателем и носителем соответствующей информации, а также средством ее передачи и овеществления в правопорядке служит законность, изучив фактическое состояние соблюдения которой, можно судить о прочности правопорядка; что сам правопорядок есть конечный результат воплощения в жизнь социалистической законности¹⁷.

Социалистическая законность — сложное и многогранное явление, институт, исследованию которого посвящены многочисленные научные труды. Здесь достаточно отметить лишь публикации последних лет, посвященные данной проблеме¹⁸.

Социалистическая законность — это не какая-то оотдельная, даже специфическая функция Советского государства. Это главный, можно сказать, глобальный метод деятельности государства и всех его органов. Законность пронизывает все стороны, осуществление всех функций и направлений деятельности Советского государства. Социалистическая законность, будучи главным методом деятельности государства и его органов, представляет собой интегрирующее сквозное начало, служит связующим звеном, объединяющим право и правопорядок в

¹⁶ Борисов В. В. Правовой порядок развитого социализма: Вопросы теории. Саратов, 1977. С. 56—57.

¹⁷ Жилинский С. Э. Указ. соч. С. 143—144.

¹⁸ Мы имеем в виду, в частности, работы: Рабинович П. М. Проблемы теории законности развитого социализма. Львов, 1979; Дедков Д. Д. Обеспечение законности в общенародном государстве. Минск, 1980; Ремнев В. Н. Социалистическая законность в государственном управлении. М., 1979; Жилинский С. Э. Указ. соч.; и др.

единое целое в процессе осуществления правового регулирования общественных отношений.

Далее, не вдаваясь в детали дискуссии, мы поддерживаем взгляд на правовую основу государственной и общественной жизни как на диалектическое единство права, законности и правопорядка¹⁹. Полагаем также, что права те авторы, которые стоят на позициях единого понятия законности, исходят из того, что при всем многообразии действующих законов и подзаконных актов, законность в социалистическом обществе едина. Понимание и исполнение правовых актов должно быть одинаковым на всей территории страны.

Прежде чем переходить к непосредственному и более подробному анализу соотношения законности и правопорядка, вкратце остановимся еще на одном вопросе — трактовке ст. 4 Конституции СССР, которая в научной литературе комментируется по-разному²⁰.

Представляется, что ст. 4 Конституции, будучи по существу всеобъемлющей по своему содержанию, закрепляет три принципиальные новеллы: во-первых, в положении о том, что Советское государство, все его органы действуют на основе социалистической законности, зафиксирован, как правильно отмечено в литературе²¹, главный метод осуществления их функций, деятельности: во-вторых, закреплена одна из основных функций общенародного государства — правоохранительная, а в-третьих, по нашему мнению, — зафиксирована конституционная обязанность государственных и общественных организаций, должностных лиц соблюдать Конституцию СССР и советские законы, которая в последующих статьях модифицируется и развивается применительно к обязанностям гражданина СССР.

Обратимся теперь к соотношению законности и правопорядка, о чем уже частично говорилось выше. Если суммированно сформулировать общий взгляд на это соотношение, опираясь на проведенные специалистами по данному вопросу исследования, то он, кратко говоря, сводится к следующему. Хотя самый общий вывод: правовой порядок есть конечный результат, своеобразный итог, завершение воплощения в жизнь принципа социалистической законности — безусловно правилен и носит синтезирующий характер, нельзя ограничиваться им при выявлении особенностей рассматриваемого соотношения. В нем имеются и другие грани, оттенки, взаимосвязи.

Например, в одной из публикаций говорится: «Порядок в общественных отношениях, регулируемых правом, устанавливаемый посредством обеспечения исполнения законов (и основанных на них подзаконных актов), принято называть правопорядком»²².

С. С. Алексеев определяет «социалистический правопорядок как состояние упорядоченности общественных отношений, выражающих реальное, практическое осуществление требований социалистической законности»²³.

Имеется и такое определение: «Пряпорядок есть результат осуществления законности, проявляющийся в правовых отношениях»²⁴.

Смысл приведенных и многих других определений, как видим, сводится в главном и целом к тому, что социалистический правопорядок — это совокупность общественных отношений, складывающихся

¹⁹ Жилинский С. Э. Указ. соч. С. 80.

²⁰ Там же. С. 143.

²¹ Там же.

²² Марксистско-ленинская общая теория государства и права // Социалистическое право. М., 1973. С. 130.

²³ Алексеев С. С. Проблемы теории права: Курс лекций в двух томах. Т. 1. Свердловск, 1972. С. 124.

²⁴ Теория государства и права. М. 1972. С. 478.

В результате проведения в жизнь принципа социалистической законности²⁵.

Таким образом, правопорядок и законность тесно связаны между собой, но между ними есть и существенные различия. Законность означает строгое соблюдение и исполнение законов, а правопорядок есть результат такого исполнения²⁶. Поэтому охрана и укрепление социалистического правопорядка есть в то же время охрана и укрепление социалистической законности, а нарушение законности означает и нарушение правопорядка²⁷.

Актуальное значение имеет правильное решение вопроса о содержании социалистической законности как главного метода осуществления функций Советского государства. Можно согласиться с выводом, что обеспечение социалистической законности, борьба с правонарушениями, их предупреждение выступают важнейшим способом упрочения правопорядка, т. е. по государственной линии правопорядок охраняется путем осуществления функции государства — социалистической законности²⁸, поскольку она служит своеобразным проводником, связующим звеном между, с одной стороны, правом, а с другой, — правоохранительной деятельностью государства.

Итак, по нашему мнению, обеспечение социалистической законности — один из главных методов, способов выполнения Советским государством своей правоохранительной функции. В то же время при характеристике правоохранительной деятельности ее суть иногда сводится к государственному принуждению к исполнению требований советского права (именуемому правоохранительной деятельностью).

Исходя из сказанного, необходимо выяснить соотношения убеждения и принуждения в самом методе, а затем и в собственно правоохранительной деятельности. Претворение в жизнь требований социалистической законности немыслимо без огромной работы по разъяснению законодательства, формированию социалистического правосознания у всех граждан. Процесс осуществления социалистической законности охватывает также правовое обучение государственных служащих, рабочих и колхозников, всего нашего населения с тем, чтобы они добровольно и сознательно исполняли и соблюдали советские законы и другие правовые нормы. В то же время Советское государство при необходимости использует и принуждение, применяет содержащиеся в правовых нормах санкции, которые соответственно могут быть дисциплинарными, административными, гражданско-правовыми и уголовными.

Суммируя все изложенное выше, можно сказать, что охрана, защита от всяких нарушений, посягательств социалистического правопорядка есть суть правоохранительной деятельности органов Советского государства.

²⁵ Шамба П. М. Указ. соч. С. 18.

²⁶ См.: Александров Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961. С. 107—108.

²⁷ См.: Строгович М. С. Социалистическая законность, правопорядок и применение советского права: Для университетов марксизма-ленинизма. М., 1966. С. 28.

²⁸ Жилинский С. Э. Указ. соч. С. 145.

А. К. СУЛТАНОВ

О ФОРМИРОВАНИИ НОВОГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА В ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УЗБЕКИСТАНА

Проведенная в стране радикальная экономическая реформа пронизывает все элементы хозяйственного механизма, все звенья органов

управления, нацеливая их на преодоление негативных явлений и застойных процессов. Как и по всему Союзу, в экономике Узбекистана, в том числе в текстильной отрасли, разворачиваются новые процессы и явления, происходят сдвиги в производстве, усложняются хозяйственные связи, т. е. сложившиеся формы и методы хозяйствования обновляются с учетом основополагающих ленинских принципов ведения социалистического хозяйства, подвергаются постоянным изменениям. Но было бы ошибочным полагать, что с переходом на новые условия хозяйствования автоматически решаются все проблемы, стоящие перед экономикой республики. Напротив, потребность в их исследовании еще более возрастает.

Как отмечалось на XIII пленуме ЦК КП Узбекистана (май 1989 г.), решение народнохозяйственных проблем невозможно без надлежащего научного обслуживания, должного обоснования процессов интенсификации и повышения эффективности общественного производства. Безусловно, отработка эффективного хозяйственного механизма, внедрение подрядных и арендных форм организации производства, научное обоснование создания принципиально новых производственных формирований и преобразования экономических отношений, теоретическое осмысление и разработка разных вариантов решения указанных проблем во многом зависят от эффективной работы научно-экономических учреждений, творческой деятельности ученых-экономистов. Вместе с тем многое (даже определяющее) зависит от специалистов народного хозяйства разного уровня, от эффективности действий республиканского Госплана, финансовых органов, от перестройки деятельности экономических министерств и ведомств.

Весьма актуальными стали проблемы формирования и развития нового хозяйственного механизма в легкой и текстильной промышленности Узбекистана с учетом региональных особенностей, в интересах самой республики и страны в целом. Это тем более важно, что производство тканей в стране в 2000 г. должно составить 19 млрд. м², в том числе в Узбекистане — 1 474 млн. м². За этот период войдут в действие мощности по производству 300 млн. м² хлопчатобумажных, 200 млн. м² шелковых и 120 млн. м² нетканых материалов.

Все это требует серьезных перемен в текстильной отрасли. Между тем сложившийся в ней хозяйственный механизм далеко не всегда обеспечивает рациональное использование ресурсов, имеющихся мощностей предприятий, а также укрепление их материально-технической базы на основе научно-технического прогресса. В экономической литературе и на страницах периодической печати широко обсуждаются проблемы перехода народного хозяйства на подлинно экономические методы хозяйствования и управления. Немало критических замечаний высказано в адрес отраслевых министерств, которые препятствуют осуществлению хозяйственной реформы, созданию принципиально новой модели хозяйствования.

Среди ученых-экономистов сложились две крайние точки зрения. Сторонники первой категорически выступают против существования отраслевых министерств и, следовательно, отраслевого принципа управления экономикой. Другая же группа отстаивает сохранение министерств, несколько изменив их нынешний вид и функции. В этом случае основные функции министерств, связанные с планированием, выдачей госзаказов, инвестиционной и научно-технической политикой, созданием новых производств и др., все же остаются в их компетенции. Многие по-прежнему будут зависеть от аппарата министерств, т. е. глубинные причины негативных и застойных явлений не искоренятся, а лишь изменят свою форму. Как правильно отмечает Э. Ежов, наличие министерств — «это жесткое ограничение деятельности предприятий в рамках отрасли, диктат сверху, пониженная ответственность

тудовых коллективов за результаты труда и как следствие — «борьба противоположностей», при которой экономические методы управления далеко не всегда одерживают верх»¹.

По нашему мнению, в нынешних во многом изменившихся условиях система хозяйствования и управления производством прежде всего должна базироваться на принципиально новой концепции, т. е. идти по пути создания концернов, ассоциаций предприятий, МНТК и других межотраслевых формирований, где добровольные члены этих объединений нового типа сами создадут их выборные руководящие органы, наделят их такими функциями, в которых они кровно заинтересованы. Это прежде всего — нацеленность на конечный результат, непосредственное удовлетворение потребностей человека, что и отличает такие формирования от многочисленных (в настоящее время — около 50 тыс.) производственных объединений и предприятий, руководимых различными министерствами и производящих товары «на склад». Не случайно на конец 1988 г. в торговле скопилось неходовых и залежалых товаров почти на 1 млрд. руб. Причем более 80% из них — товары легкой и текстильной промышленности.

Предполагаемые формирования можно представить в виде конкретной хозяйственной формы территориальной кооперации самостоятельных перерабатывающих, производственных и обслуживающих предприятий, добровольно объединивших свои силы и средства. По существу это будет демократичная система управления с относительно небольшим выборным аппаратом руководства и экономическими методами регулирования собственных социально-производственных проблем. Структура его сложится прежде всего с учетом специализации и уровня интеграции производства.

В хозяйственном механизме управления появится весьма оригинальная и в то же время сложная экономическая система — взаимодействия промышленных предприятий и организаций различных министерств и ведомств, функционирующих в едином хозяйственном организме, или, говоря словами В. И. Ленина, «многие раздробленные процессы производства сливаются в один общественный процесс... общественная связь между производителями все более и более укрепляется, производители сплавиваются в одно целое»².

Подобные изменения имеют особо важное значение для Узбекистана, в народнохозяйственном комплексе которого идут интенсивное освоение нового хозяйственного механизма, отработка его важнейших элементов, внедрение арендного подряда и других форм хозрасчетных отношений. В интересах республики и с учетом требований радикальной хозяйственной реформы сегодня крайне необходима переориентация работы республиканского министерства легкой промышленности. К сожалению, каждое седьмое предприятие этой отрасли является хронически убыточным, а каждое шестое срывает договорные обязательства по поставкам товаров (только за 1988 г. потребители недополучили хлопчатобумажных тканей на 50 млн. руб.). Как отмечалось в журнале «Экономика и жизнь» (1989, № 1), «о недооценке возросших требований к плановой дисциплине, отсутствию новых подходов к интенсификации производства свидетельствует и работа такого крупнейшего министерства, как Минлегпром УзССР, призванного обеспечить население широким ассортиментом потребительских товаров. Положение здесь не меняется к лучшему, более того — обостряется... Масштабная программа укрепления легкой промышленности, на которую выделены значительные государственные средства, выполняется совершенно неудовлетворительно». А аппарат министерства в услови-

¹ Экономическая газета. 1989. № 17.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 177.

ях полностью еще не изжитой командно-административной системы и при обычной зависимости от центральных органов и ведомств вынужден директивными указаниями и иными формальными методами управления принимать торопливые и непродуманные решения. Думается, что перестройку сложившейся, далекой от совершенства структуры управления надо производить расчетливо, без спешки, избегая всякого волюнтаризма и не создавая дополнительных трудностей в работе предприятий и взаимосвязанных отраслей.

В целях ускорения формирования целостного хозяйственного механизма мы предлагаем создать на базе отраслей легкой промышленности Узбекистана крупные хозяйственные единицы — концерны, включающие добровольно объединившиеся на экономически выгодных условиях предприятия и объединения с учетом их технологической однородности и территориальной близости. Представляется, что это будет реальным шагом в решении проблем расширения границ самостоятельности и прав предприятий. Работая в условиях полного хозяйственного расчета, самофинансирования и самоуправления, эти концерны могли бы координировать всю производственно-хозяйственную деятельность предприятий, создающих товары народного потребления. С созданием концерна, естественно, изменится и уровень концентрации производства, сократятся ненужные звенья производства, а главное — численность бюрократического аппарата управления и расходы по его содержанию.

В пользу создания концернов говорит и богатый зарубежный опыт. Речь, конечно, идет не о простом копировании. Аналогичные примеры уже имеются в некоторых союзных республиках, где министерства легкой промышленности расформированы и образованы концерны по производству товаров народного потребления. Так, в Эстонии функционирует промышленно-торговый концерн по выпуску и реализации товаров легкой промышленности. Совет Министров СССР недавно принял предложение о создании торгово-промышленного концерна в Молдавской ССР; в Ленинграде существует концерн «Энергомаш».

В конкретном плане суть выдвинутой нами идеи выражается в создании в Узбекистане промышленно-торгового концерна по производству и реализации текстильной продукции, который возьмет на себя ответственность за удовлетворение спроса населения и народного хозяйства республики плюс поставки (по госзаказам) на союзный и зарубежный рынок. Экономическая необходимость создания такого концерна состоит в том, что Узбекистан располагает колоссальными потенциальными возможностями развития текстильной промышленности. По своим масштабам (60% валовой продукции и 65% промышленно-производственных фондов легкой промышленности) текстильная промышленность республики является крупнейшей отраслью промышленного комплекса региона. Проблема актуализируется наличием богатейших сырьевых, энергетических и трудовых ресурсов, а также платежеспособным спросом населения на товары данной отрасли. К сожалению, в Узбекистан все еще завозится большое количество текстильной продукции из других, весьма отдаленных районов страны, а также по импорту. Ныне в республику завозится 45% потребного объема непродовольственных товаров на 5,5 млрд. руб. Ясно, что это противоречит задаче формирования и развития эффективного хозяйственного механизма в текстильной промышленности УзССР в новых условиях.

Существующие текстильные предприятия органически связаны с народным хозяйством Узбекистана, развитием отраслей, удовлетворяющих внутриреспубликанскую потребность, республиканской произ-

водственной и социально-бытовой инфраструктурой, и вполне естественно стремление развивать текстильную отрасль республики путем создания концерна. Производство в условиях концерна, как уже отмечалось, нацеливается только на конечный продукт, на удовлетворение потребностей человека. В его рамках в кратчайшие сроки создаются новые модели изделий в соответствии с гибким реагированием на изменение спроса, чему содействуют организационное единство концерна, отсутствие административных и ведомственных преград.

Полноценный субъект экономики Узбекистана, каковым станет текстильный концерн, должен формироваться на следующих решающих принципах:

- 1) неадминистративный характер подчинения равноправных членов выборному органу;
- 2) контрактная система отношений с правительством республики;
- 3) недирективный характер планирования деятельности концерна;
- 4) прямое подчинение президента концерна только Совету Министров республики.

Выборное правление решает проблемы, связанные с крупными реорганизациями, определяет уровень цен на продукцию, размер и направление вложений, количество занятых и другие жизненно важные вопросы деятельности концерна. Стратегическое решение, связанное с производственной специализацией концерна, согласуется с Советом Министров республики. И здесь велика роль президента концерна, который определяет ориентацию концерна в рамках экономически необходимой для Узбекистана стратегии по приоритетному развитию текстильной промышленности.

Между концерном и правительством непременно заключается целевой контракт на основе и на срок действия Программы ускорения социально-экономического развития Узбекской ССР и повышения благосостояния населения республики на соответствующие пятилетние сроки. Суть контракта заключается в том, что концерн в рамках своей стратегии развития принимает на себя конкретные обязательства, за реализацию которых персонально отвечает его президент. Со своей стороны, правительство республики берет на себя обязательства и полную ответственность за субсидирование, утверждение стратегии развития, выдачу госзаказов, оказание консультации и помощи во внешнеэкономической деятельности концерна.

Чтобы текстильный концерн стал органичной частью экономики республики, необходимы соответствующие условия, которые непосредственно касаются как руководящих экономических ведомств и правительства республики, так и каждого члена концерна. В частности, совершенно недопустим налоговый произвол со стороны Минфина.

Что касается опасений вроде того, что концерн ограничит самостоятельность предприятий, то они не имеют реальных оснований, ибо каждая входящая в него производственная единица сохраняет полную самостоятельность, гарантированную Законом СССР о государственном предприятии (объединении). Главное условие здесь — исключительно добровольное вступление в концерн производственных предприятий, кооперативов, проектно-строительных и ремонтных организаций, фирменных магазинов, а также сырьевых, оптовых и торговых баз. В последующем, если кого-то не устроят рамки концернов, он сможет свободно выйти из него, предварительно погасив все имеющиеся долги по концерну.

Члены концерна в перспективе создадут свой коммерческий акционерный банк, пайщиком которого станут организации, купившие его акции на определенную сумму. Члены концерна будут заинтересованы в таком банке уже потому, что условия помещения в нем вре-

менно свободных денег будут намного выгоднее и легче будет брать кредит.

Предполагается, что выборное правление концерна самостоятельно утверждает нормативно-техническую документацию, направления использования своих (включая валютных) средств и другие вопросы. Вместе с тем представляется необходимым в кратчайшие сроки разработать и утвердить Положение о концернах, где будут предусмотрены их функции, права и обязанности членов, а также другие вопросы их деятельности.

Сегодня уже стало очевидно, что построить и утвердить новое возможно, лишь перестраивая десятилетиями складывавшееся старое, избегая формализма и не превращая такую перестройку в самоцель. Надо ясно понять, что административно-нажимной системе чужд научный подход к решению экономических вопросов, и смелее демонтировать сложившийся аппарат и стиль руководства, характерный для застойного периода.

Аналогичная перестройка должна быть осуществлена и в других отраслях легкой промышленности, да и всей промышленности Узбекистана, с учетом специфики каждой отрасли и территориального размещения предприятий и объединений. Актуальность этих проблем острее проявляется именно в легкой промышленности республики, которой необходимо выйти из прорыва, а в перспективе стать крупным экспортером на внешний рынок товаров с маркой Узбекистана.

Т. А. АРТЫКОВ

К ПРОБЛЕМЕ КВАНТОВОМЕХАНИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В 1935 г. А. Эйнштейн совместно с Р. Подольским и Н. Розеном написали знаменитую статью «Можно ли считать квантовомеханическое описание физической реальности полным?» И хотя с того времени прошло уже более чем полстолетия, но и сейчас практически во всех статьях, посвященных вопросам основания квантовой механики, можно увидеть ссылки на эту ставшую классической статью, имеющую поистине ключевое значение во всех спорах по поводу истолкования этой фундаментальной физической теории. Как хорошо известно, авторы названной статьи дали отрицательный ответ на вопрос, вынесенный ими в ее заглавие.

Аргументация авторов основывалась на следующих посылах: «При анализе физической теории необходимо учитывать различие между объективной реальностью, которая не зависит ни от какой теории, и теми физическими понятиями, с которыми оперирует теория. Эти понятия вводятся в качестве элементов, которые должны соответствовать объективной реальности, и с помощью этих понятий мы и представляем себе эту реальность... Какой бы смысл ни вкладывался в термин «полное описание», от всякой полной теории, как нам кажется, необходимо требовать следующее: каждый элемент физической реальности должен иметь отражение в физической теории. Мы будем называть это условием полноты. Таким образом, на второй вопрос легко ответить, если мы сможем выяснить, что является элементами физической реальности. Элементы физической реальности не могут быть определены с помощью априорных философских рассуждений; они должны быть найдены на основе результатов экспериментов и измерений. Однако для наших целей нет необходимости давать исчерпывающее определение реальности. Мы удовлетворимся следующим критерием, который считаем разумным.

Если мы можем без какого бы то ни было возмущения системы предсказать с достоверностью (то есть вероятностью, равной единице) значение некоторой величины, то существует элемент физической реальности, соответствующей этой физической величине. Нам кажется, что этот критерий, хотя он далеко не исчерпывает всех возможных способов распознавания физической реальности, по крайней мере, дает нам один из таких способов, коль скоро выполняются сформулированные в нем условия. Этот критерий, рассматриваемый не как необходимое, а только лишь как достаточное условие реальности, находится в согласии как с классическим, так и с квантовомеханическим представлением о реальности»¹. Однозначного ответа в аргументации этого парадокса до сих пор не получено, однако он способствовал увеличению глубины и масштабности, а также интенсивности процесса «самосознания» физического знания с последующими их взаимопроникновениями и взаимополнениями. А среди вопросов интерпретации квантовой теории проблема полноты квантовомеханического формализма оказалась «крепким орешком».

Итак, если в соответствии с вышесказанным принять предложенный Эйнштейном, Подольским и Розеном критерий физической реальности в качестве отправного пункта для последующих рассуждений, то применительно к конкретной квантовомеханической системе они приобретают следующий вид. Рассматриваются две физические системы — А и В, взаимодействующие в ограниченный период и потому представляющие собой состояния, в некотором смысле (а точнее, в смысле силового энергетического взаимодействия) изолированные друг от друга. В таком случае мы вправе применить к величине физической системы А критерий ее физической реальности, коль скоро мы можем с вероятностью, близкой к единице, предсказать результат ее измерения, выполняя с этой целью измерения над системой В. Иными словами, не воздействуя на систему А непосредственно нашими приборами, могущими в принципе оказать на измеряемую систему так наз. неконтролируемое воздействие.

Пусть А и В имеют общее прошлое, например, они возникают в результате распада некоторой частицы, находящейся в состоянии, характеризуемом общим моментом квантовомеханического импульса, равным нулю. Тогда единственное измерение импульса системы В (при всем при том, что оно само по себе имеет вероятностный характер, т. е. его результат не может быть предсказан однозначно с вероятностью, равной единице) ведет к однозначному предсказанию момента импульса частицы В, что находит свое надежное экспериментальное подтверждение. Однако среди всех потенциально возможных величин, которые могут быть приписаны системе А при измерении В, некоторые из этих величин несовместимы, т. е. квантовая механика в принципе исключает их совместную определимость.

Но если так, то согласно принятому критерию, эти величины должны, с одной стороны, считаться физически реальными, а с другой, — квантовая механика настаивает на невозможности их одновременного представления в этом качестве. Отсюда неизбежно следует вывод, согласно которому «квантовомеханическое описание физической реальности посредством волновых функций не является полным»².

Ясно, конечно, что все рассуждения Эйнштейна, Подольского и Розена основываются на предположении, согласно которому две системы, не взаимодействующие друг с другом, не могут влиять друг на друга.

¹ Эйнштейн А. и др. Можно ли считать квантовомеханическое описание физической реальности полным? // Эйнштейн А. Собр. научн. трудов. Т. 3. М., 1966. С. 604—605.

² Там же. С. 610.

Предположение естественное и даже тривиальное. По крайней мере, на первый взгляд. В самом деле: если частицы не взаимодействуют, то как они могут влиять друг на друга? Конечно, между частицами, когда-то взаимодействовавшими в прошлом, существует связь, коль скоро существуют законы сохранения, в частности законы сохранения энергии-импульса, с помощью которых в данном случае и осуществляется однозначное предсказание момента импульса частицы А на основе измерения момента импульса частицы В. И эта связь, которую, если угодно, можно было бы назвать информационной, хорошо известна в классической механике. И коль скоро квантовая механика в принципе не подвергает сомнению строгую выполнимость законов сохранения (хотя, заметим, на заре ее становления Н. Бор и высказывал мысль о том, что в микромире закон сохранения энергии проявляется только в среднем, а не в каждом индивидуальном квантовом процессе, то она, естественно, эту классическую информационную связь в своем теоретическом аппарате учитывает. Но эта связь в некотором смысле имеет логический характер, а не физический. Ее связь с физической реальностью весьма опосредованна. Во всяком случае рассмотрение вопроса об онтологическом статусе логики не входило в задачу Эйнштейна, Подольского и Розена, которые вместе с Бором, Паули, Гейзенбергом и другими крупнейшими физиками нашего столетия разделяли скептическое отношение к попыткам создания новых, неклассических квантовологических систем, более адекватных квантовомеханической реальности в целом.

Тем самым неполнота квантовой механики состоит в том, что она не может ответить на главный вопрос всякого претендующего на научность исследования природы, поскольку она не дает полного описания каждой реальной, существующей до всяких актов измерения и (или) наблюдения физической ситуации. Ведь в конце концов все физики, будь то сторонники или противники тезиса о полноте квантовомеханического описания реальности, согласны с тем, что физик имеет дело с реальностью, которая существует некоторым образом вне него, которая не была ими изобретена, которая существовала до него и т. д. В противном случае вся его работа именно как ученого просто потеряла бы смысл. Но это, так сказать, вопрос общемировоззренческий, смысло-жизненный. Что касается более конкретного вопроса — о полноте квантовомеханического описания физической реальности, то здесь есть свои нюансы и тонкости.

Их лучше всего уяснить, обратившись к послевоенной переписке Эйнштейна и Борна по поводу истолкования квантовой механики, в которой на отдельных этапах в качестве посредника принимал участие Паули³. Вот что писал Паули Борну из Принстона по поводу вновь разгоревшегося между Борном и Эйнштейном спора относительно интерпретации квантовой механики. Спор тогда (в начале 50-х годов) принял очень острую форму и даже грозил разрывом дружеских отношений между двумя великими физиками, так что Паули, который в то время находился в Принстоне, счел необходимым в него вмешаться в качестве посредника. «В беседах с Эйнштейном я увидел, — писал Паули Борну, — что он рассматривает в качестве характерного для квантовой механики и существенного затруднения то обстоятельство, что состояние некоторой системы определяется через характеризующие условия эксперимента... У Эйнштейна имеется «философское» предубеждение, что некоторое состояние (так называемое «реальное») в случае микроскопических тел при всех обстоятельствах может быть «объек-

³ Письма В. Паули М. Борну // Эйнштейновский сборник — 1972. М., 1974. С. 88—97.

тивно» определено, т. е. определено без данных, характеризующих условия эксперимента, с помощью которых исследуется система (макроскопическое тело) или которым система подчинена. Мне кажется, — продолжает далее В. Паули, — что дискуссия с Эйнштейном может быть сведена к той его предпосылке, которую я назвал идеей (или «идеалом») независимого наблюдателя... Мне и другим защитникам квантовой механики кажется, напротив, экспериментальная и теоретическая очевидность этого идеала достаточной. В конце концов, я думаю, правда, что он — чистый логик. Теперь хотел бы я знать, что по этому поводу думаете Вы?»⁴

Из опубликованной переписки осталось неясным, что ответил Паули Борну и ответил ли он ему на этот вопрос вообще. Но, думается, что, когда Паули говорил об Эйнштейне как о чистом логике, то он имел в виду именно его приверженность в данном случае к аристотелевской классической логике или классическому образу мышления вообще. Противоречивость позиции Эйнштейна в отношении квантовой механики или, лучше сказать, его непоследовательность, в основе которой, однако, лежала своя логика, мешала многим коллегам Эйнштейна — крупным физикам, таким, как, например, М. Борн, адекватно воспринять суть его возражений против квантовой механики, как замкнутой полной теории. Им казалось удивительным, что человек, создавший теорию относительности, не приемлет квантовую механику — теорию, которая определила как раз ту методологическую ориентацию, как раз тот стиль мышления в теоретической физике текущего столетия, в русле которого возникла и получила свое развитие квантовая механика. Недаром, в конце концов, одним из наиболее часто используемых определений теоретической физики 20-го века было и остается прилагательное «квантоворелятивистская».

Тем не менее, сам Эйнштейн был склонен видеть между квантовой механикой и теорией относительности скорее глубокое различие, чем сходство, столь блестяще охарактеризованное Паули в цитированном выше отрывке. Физический релятивизм не означал для него с необходимостью принятия релятивизма логического, хотя его позиция по отношению к различным традиционным философским направлениям, по мнению Паули, может рассматриваться именно как релятивистская. О том, что Эйнштейн был далек от релятивизма в философском, в гносеологическом его понимании, на наш взгляд, лучше всего свидетельствует его позиция в отношении квантовой механики. Приведем в этой связи некоторые его высказывания: «Функция ни в коем случае не описывает состояние, свойственное одной единственной системе; она относится, скорее, к нескольким системам, т. е. к «ансамблю систем», в смысле статистической механики. Если, исключая некоторые особые случаи, функция дает только статистические данные об измеримых величинах, то причина состоит не только в том, что операция измерения вносит неизвестные элементы, которые можно уловить лишь статистически, а в самом факте, что функция ни в коем смысле не описывает состояние одной отдельной системы. Уравнение Шредингера определяет изменения во времени, выражающиеся в ансамбле системы, которые могут существовать как при внешнем воздействии на отдельную систему, так и без него»⁵.

Это высказывание представляет интерес и потому, что оно проливает свет также на те мотивы, которыми руководствовался Эйнштейн, принимая среди прочих возможных интерпретаций квантовой механики

⁴ Там же. С. 88—89.

⁵ Эйнштейн А. Физика и реальность // Собр. научн. трудов. Т. 4. М., 1967, С. 221—223.

ту, которая исходит из концепции статистического ансамбля. (Известно, что у нас в стране сходная точка зрения на квантовую механику активно пропагандировалась Д. Блохинцевым). Дело в том, что «ансамблевая» интерпретация квантовой механики как существенное в статистической теории позволяла рассматривать ее не как окончательную и «ставшую», а как теорию, открытую для будущего развития, которое сам Эйнштейн вопреки тому, что ему приписывают, вовсе не отождествляет с поисками теорий со скрытыми параметрами, призванными, по мысли их авторов, полностью заменить квантовую механику, с которой приходится иметь дело за неимением лучшего и которая представляет собой не более, чем временное строение, на месте которого будет воздвигнуто здание подлинно фундаментальной физической теории и в классическом ее понимании. Попытки создания таких теорий со скрытыми параметрами Эйнштейн считал «дешевыми рассуждениями».

Для Эйнштейна квантовая механика была слишком эмпиричной, слишком привязанной к опыту, к эксперименту для того, чтобы претендовать на статус подлинно фундаментальной физической теории, дающей прямое, а не косвенное описание физической реальности. Физическая реальность у Эйнштейна фактически отождествляется с той частью внешнего мира, с которой познающий субъект контактирует с помощью имеющихся у него средств и методов научного познания как теоретических, так и экспериментальных. При этом Эйнштейн неоднократно подчеркивал, что поскольку физика развивается, то не может остаться неизменным и понятие физической реальности в ней. Поэтому всякое конкретное представление о физической реальности имеет исторически преходящий характер и не может рассматриваться в качестве окончательно установленного. Но если дело обстоит таким образом, то возникает необходимость провести различие между реальностью «как она есть сама по себе» и той реальностью, с которой мы конкретно взаимодействуем в целях познания с помощью имеющихся в нашем распоряжении методов и средств. В свою очередь, проведение этого различия, необходимость которого была в полной мере впервые осознана И. Кантом, ставит в конечном счете фундаментально-гносеологический вопрос об отношении внешнего мира и его описания посредством теории.

Это описание, коль скоро оно претендует быть теоретическим, должно быть объективным, т. е. не должно содержать никаких ссылок на познающего субъекта и те конкретные инструменты, с помощью которых он приобретает знание об окружающем его мире. Здесь мы подошли к очень важному моменту. Как подчеркивал в своих работах Э. М. Чудинов, внесший решающий вклад в разработку проблем теории относительности в советской философской литературе, «согласно Эйнштейну, подлинно научное знание обладает автономией перед опытом. Оно не развивается путем постоянного приспособления к результатам опыта. Наоборот, сами эти результаты получаются как естественное подтверждение вытекающих из теорий эмпирических следствий. Если всего этого не наблюдается, то мы имеем дело не с подлинно научной теорией, а с теорией типа *ad hoc*»⁶.

И хотя квантовая теория в глазах Эйнштейна не была теорией *ad hoc*, тем не менее, она имела тот недостаток, что возникла во многом именно на пути приспособления к опыту.

Однако здесь возникает вопрос, который, насколько нам известно, применительно к рассматриваемой ситуации впервые четко и ясно был сформулирован Э. М. Чудиновым: «Насколько правомерна и универ-

⁶ Чудинов Э. М. Природа научной истины. М., 1977. С. 90.

сальна эйнштейновская концепция развития научного знания?»⁷ Развития, идущего по пути все более полного и глубокого постижения объективной истины. Отвечая на этот вопрос, Чудинов справедливо отмечает, что эйнштейновская концепция применима к ситуациям, которые не так уж часты в науке. Она слишком жестка и рационалистична в духе идеалов и норм классической науки, ограниченность которых в полной мере и продемонстрировала квантовая механика. И все же было бы неверным утверждать, что один из основоположников современной квантовой релятивистской физики остался в своем понимании процесса познания где-то на уровне И. Канта. Но подобные утверждения слишком абстрактны и внеисторичны, а потому скорее мешают, чем помогают что-либо понять. Вспомним уже цитированное высказывание Эйнштейна о том, как выглядит физик в глазах последовательно мыслящего философа.

Что же касается рассматриваемого нами здесь случая отношения Эйнштейна к квантовой механике, то для адекватного понимания его позиции важно иметь в виду философский фон, на котором эта позиция получала свою определенность. А фон этот во многом определялся острой полемикой Эйнштейна с позитивизмом. Критерий объективности должен, согласно Эйнштейну, находиться внутри теории, быть каким-то образом зафиксированным в ней посредством формального отличительного признака и в этом особенность его подхода к созданию теории относительности. Признав факт изменчивости результатов измерений длины и времени разными наблюдателями, мы должны тем самым отказаться от ссылок на единство непосредственного эмпирического опыта как гаранта объективности получаемого с его помощью физического знания.

Объективность следует теперь искать на уровне инвариантности физических законов. Для разных наблюдателей, находящихся в разных экспериментально определенных условиях, способ проявления объекта оказывается разным, но теоретические принципы и законы природы, представленные в их всеобщей форме, должны быть одними и теми же для всех наблюдателей. Из инвариантности этих законов относительно групп определенных преобразований как следствие возникает упорядоченная структура наблюдаемых разными наблюдателями событий. Объективность исходных теоретических утверждений достигается через осознание относительности структур эмпирически наблюдаемых событий. При этом основным инструментом «проникновения» в глубь реальности оказывается математика. Вот что пишет по этому поводу сам Эйнштейн: «Весь наш предшествующий опыт приводит к убеждению, что природа является осуществлением того, что математически проще всего себе представить. Я убежден, что чисто математическое построение позволяет найти те понятия и те закономерные связи между ними, которые дают нам ключ к пониманию явлений природы».

Разумеется, столь рационалистически ориентированная познавательная установка плохо совмещалась с тезисом о том, что реально лишь то, что в принципе может наблюдаться. «В аргументации подобного рода, — писал Эйнштейн, — мне не нравится несостоятельная, на мой взгляд, основная позитивистская установка, которая, как мне кажется, совпадает с принципом Беркли: «esse est percipi» (чувствую — значит существовать)⁸.

Вспоминая в 1949 г. о своих довоенных спорах с Эйнштейном по поводу истолкования квантовой механики, Бор еще раз подтвердил свою точку зрения, самокритично признав, правда, при этом несовер-

⁷ Там же. С. 91.

⁸ Эйнштейн А. Замечания к статьям // Собр. научн. трудов. Т. 4. С. 298.

Шейство терминологии и языкового выражения в ее довоенных формулировках: «Перечитывая теперь эти строки, — писал он, — я глубоко осознаю неудовлетворительность и неуклюжесть выражения моих мыслей и чувствую, что эти недостатки должны были сильно затруднить понимание хода моих рассуждений. Моя аргументация имела целью выявить неоднозначность, присущую всякой попытке приписать определенные физические атрибуты объектам в тех случаях, когда мы имеем дело с явлениями, не допускающими резкого разграничения между поведением объектов самих по себе и их взаимодействием с измерительными приборами»⁹.

Именно в этом пункте рассуждений Н. Бора фиксируется то радикальное изменение, которое претерпевает в квантовой механике понятие физической реальности. И чтобы осмыслить эту новую ситуацию, необходим глубокий и всесторонний гносеологический анализ того, что такое эксперимент, измерение, теория вообще и теория измерения, в частности.

Физическая картина реальности создается двумя физическими конструктами: фундаментальной теорией и многочисленными экспериментами. Однако только теория или только эксперимент в отдельности всего лишь отражает объективный мир, создавая при этом лишь картину реальности. Представление о физической реальности развивалось соответственно духу своей эпохи физического познания. По мнению А. Эйнштейна, каждая теория или определенного рода система опытов опираются на свою объективную реальность, с совершенствованием их изменяется содержание соответствующей реальности. Прогресс физического познания способствует все большему приближению к цели создания универсальных теорий, отражающих физическую реальность. Свойства реальных объектов и их истинность определяются физической реальностью, независимо от наших рассуждений. Дело в том, что наши рассуждения о реальных сущностях физических объектов относительны к концепциям реальности. «Существует физическая реальность, — писал А. Эйнштейн, — не зависящая от познания и восприятия. Ее можно полностью постичь с помощью теоретического построения, описывающего явления в пространстве и времени; однако обоснованием такого построения является только его эмпирическое подтверждение»¹⁰.

Во многих работах Эйнштейна, посвященных описанию квантовомеханической реальности, это понятие связывается с неопределенностью и внутренней противоречивостью в существовании микрообъектов. Фундаментальное требование, предъявляемое к квантовым теориям, — их полнота — понималось Эйнштейном так, что теория должна давать однозначный вывод о состоянии реальности каждой точки пространственно-временного многообразия. Квантовая механика же своими эпистемологическими установками (дискретность, статистичность, неопределенность) не соответствовала требованиям полноты. Бор в свое понимание реальности включает человека с измерительными приборами. Эта концепция воспринята Эйнштейном отрицательно, ибо реальность существует независимо от сознания, испытания. Бор считал, что «явления» как отражение реальности представляют собой целостность или результат рассмотрения субъективно-объективных отношений. А. Эйнштейн не воспринимал этого, выражая при этом свою приверженность к философским установкам Спинозы. По Эйнштейну, теория считается полной, если каждый элемент физической реальности в ней имеет свое отражение. Эти элементы обычно не зависят от особенности экспери-

⁹ Бор Н. Дискуссия с Эйнштейном по проблемам теории познания//Избр. научн. труды. Т. 2. М., 1971. С. 427.

¹⁰ Эйнштейн А. Физика, философия и научный прогресс//Собр. научн. трудов. Т. 4. С. 318.

мента. В экспериментах по квантовой физике реальность в целом и частично может проявляться. Такой путь познания физической реальности называется деятельностным подходом и характеризуется объективностью действия человеческой практики. Другой, отличающийся по философским абстракциям подход (онтологический) базируется на объективности практики и изучаемого объекта. Здесь делается акцент на первичность объекта познания, ее независимость от методов и субъекта познания. Онтологический подход познания физической реальности в зарубежной философской литературе рассматривается с более широкой гносеологической позиции — физического реализма. Оба подхода не в силах дать исчерпывающую информацию о физической реальности.

Признавая отражение квантовофизическим знанием объективной реальности, А. Панченко справедливо отмечает: «И в той мере, в которой оно охватывает независимые от субъекта ее черты, оно (квантовая физика. — Т. А.) обосновывает реалистическую концепцию реальности. Однако квантофизическое знание (как и вообще любое знание) имеет всегда человеческое измерение, оно есть знание необезличенное, не сверхчеловеческое, но знание, определенное взаимодействием субъекта как относительно самостоятельного субстрата природы, специфического существа с его окружением, элементы которого мы и представляем обычно как объекты познания. И поскольку научное знание есть результат такого взаимодействия, оно неизбежно несет в себе его черты. Отсюда вытекает обоснование деятельностного подхода в трактовке реальности»¹¹. Эйнштейн же считал, что квантовая механика описывает явления микромира лишь феноменологически и она не в состоянии полностью отражать физическую реальность микрочастиц. Она непременно должна быть заменена другой, полной (завершенной) теорией.

Таким образом, квантовая механика и теория относительности описывали физическую реальность своими новыми понятиями, постулатами и принципами. Следовательно, физическая реальность приобрела новый смысл, так как современная физика существенно изменила представления о пространстве-времени, открыла новые свойства материи и ее существования.

---

¹¹ Панченко А. Философия, физика, микромир. М., 1988. С. 35.

Х. З. ЗИЯЕВ

К ИСТОРИИ ЗАВОЕВАНИЯ УЗБЕКСКИХ ХАНСТВ ЦАРИЗМОМ

Сегодня, когда демократизация и гласность все более набирают силу, раздаются голоса о том, что историки якобы игнорировали факт завоевания узбекских ханств царизмом. В действительности же положение дел обстоит иначе. Так, за исключением единичных работ (о чем речь пойдет ниже), во всех трех изданиях (1947, 1956, и 1968 гг.) «Истории Узбекской ССР» четко и ясно изложены военные походы царских войск в глубь Средней Азии¹. Однако во втором и третьем изданиях указанного труда, а также в однотомнике «История Узбекской ССР» (1974) завоевание края освещалось в главах под названием «Присоединение Средней Азии к России»². Под этим же названием были изложены военные походы царских войск в трудах Н. А. Халфина³ и Х. З. Зияева⁴.

По сути дела это название, не отражая содержания упомянутых трудов, висело в воздухе и вводило читателей в заблуждение.

Во все более широком употреблении слова «присоединение» в научных трудах и в периодической печати немаловажную роль сыграла статья И. Брагинского, С. Раджабова и С. Ромодина «К вопросу значения присоединения Средней Азии к России», опубликованная в 1953 г. в центральном журнале⁵. В этом отношении следует отметить и роль Всесоюзной объединенной научной сессии, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России (Ташкент, 1959). Выступавшие на этой сессии докладчики уделили основное внимание тем политическим и социально-экономическим сдвигам, которые происходили после установления господства царизма в регионе. Эти сдвиги освещались в возвышенных тонах и фактически значение их во многом переоценивалось. Между тем коренное население в своем подавляющем большинстве практически оказалось в стороне от них. Попав под двойной гнет — царизма и местных эксплуататоров, — коренные народы края испытывали нищету, бесправие, насилие и безграмотность. Экономика региона развивалась в уродливых формах. Царизм всячески препятствовал развитию национального языка и

¹ История народов Узбекистана. Т. 2 (от образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции). Ташкент: АН УзССР, 1947; История Узбекской ССР. Т. 2. Кн. вторая. Ташкент: АН УзССР, 1956; История Узбекской ССР. Т. 2 (от присоединения узбекских ханств к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Ташкент: Фан, 1968; История Узбекской ССР: Однотомник (с древнейших времен до наших дней). Ташкент: Фан, 1974.

² Вместе с тем надо отметить, что § 1 главы I во втором томе «Истории Узбекской ССР» (1968 г.) носит название: «Причины экспансии царской России в Среднюю Азию», § 2 — «Завоевание Ташкента, Бухарского и Хивинского ханств», § 3 — «Восстание 1873—1876 гг. Завоевание Кокандского ханства», а глава II называется: «Превращение Узбекистана в колонию царской России».

³ Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России. М.: Наука, 1965.

⁴ Зияев Х. Присоединение Ташкента к России. Ташкент: Фан, 1967.

⁵ Вопросы истории. М. 1953. № 2.

культуры, а также отлучал представителей коренного населения от среднего и высшего эшелона власти. Вместе с тем царские власти и капиталисты беззастенчиво выкачивали из колониальной окраины огромные доходы; обширная территория региона была превращена в источник сырья и рынок сбыта метрополии. Не зря В. И. Ленин называл Туркестан «колонией чистейшего типа», что явилось прямым последствием завоевательной политики царизма. Именно указанные факторы составляют основное содержание истории региона того времени.

Однако мы вместо глубокого раскрытия этой ситуации увлеклись изучением в широком плане главным образом объективно прогрессивных последствий присоединения Средней Азии к России. Все это делалось по установке «сверху». По инициативе «верхов» была организована и вышеупомянутая Всесоюзная объединенная научная сессия. На ней отдельные докладчики в угоду «политикам» даже встали на путь искажения исторической действительности. В частности, С. Раджабов в своем докладе на сессии, упоминая вскользь о завоевании, тем не менее решительно заявил: «Народные массы Средней Азии, страдавшие от жестокого произвола феодалов и бесконечных поборов, не прекращающихся феодальных междоусобиц, были заинтересованы в присоединении к России, от которого ждали перемен в своем тяжелом положении. В ряде случаев они видели в приходе русских войск избавление от ненавистного гнета ханов и других феодалов. Только отдельные кучки местных правителей, ханов, беков и мусульманское реакционное духовенство, заинтересованные в сохранении старых феодальных порядков, в неприкосновенности своей деспотической власти и своих привилегий, организовали сопротивление и поднимали отдельные антирусские восстания. Однако их попытки вовлечь народные массы в широкое восстание против России не удавались, так как народ стремился к подданству России»⁶.

Далее докладчик, еще глубже утонув в своей надуманной концепции, говорил: «Большинство простого народа смотрело на русских, как на своих спасителей от постоянных грабежей и насилий, от непрерывных нападений на их хозяйства, от бедствий, от постоянного страха за свою жизнь в междоусобных войнах. Поэтому простой народ говорил: «Урус омад — дурус омад» («русский пришел — благо пришло»)»⁷.

Таким образом, по С. Раджабову, получается, что коренное население с нетерпением жаждало оказаться в подданстве царской России, что, разумеется, неверно. Вместе с тем он смешивал царизм и его захватническую политику с русским народом, который не имел ничего общего с завоевательными походами царизма. Не выдерживает критики и утверждение С. Раджабова о том, что народное восстание 1873—1876 гг., направленное своим острием против военных походов царских войск в Ферганской долине, носило реакционный характер. Он голословно объявлял реакционным даже Андижанское восстание 1898 г.⁸

Одним словом, С. Раджабов по существу встал на путь оправдания захватнической политики русского царизма.

Надо отдать должное А. В. Пясковскому, который на той же сессии дал правильную оценку захватнической политики царизма в регионе. «Одной из наиболее распространенных ошибок по истории Средней

⁶ Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России: Доклады. Ташкент: АН УзССР, 1959. С. 28—29. Видимо, автор имел в виду то, что отдельные оппозиционно настроенные группировки придерживались процаристской ориентации. Однако это несколько не отражает стремления всего коренного населения и феодальных кругов в целом. Известно, что при колониальном захвате той или иной страны определенные оппозиционные группы, как правило, переходят на сторону завоевателей в целях обеспечения своих собственных интересов.

⁷ Там же. С. 34—35.

⁸ См. там же.

Азии, — говорил он, — является известное приукрашивание царизма и его роли в этом крае. Некоторые историки полагают, что ежели присоединение Средней Азии к России сыграло в конечном итоге положительную, прогрессивную роль, то, следовательно, в этом деле якобы прогрессивное влияние России на развитие экономики и культуры среднеазиатских народов осуществлялось при каком-то участии царских властей. Отсюда — замалчивание либо смягчение угнетательской, национально-колониальной политики и вообще мрачных сторон господства царизма в Средней Азии. Отсюда — и отрицание хорошо известных фактов военного завоевания царизмом значительных областей Средней Азии, и настойчивые попытки представить дело таким образом, будто все среднеазиатские народы добровольно присоединились к России. Героическая и упорная борьба народов Средней Азии против царской агрессии, сопротивление царскому завоеванию представляются иногда как реакционный акт: будто противились этому завоеванию лишь эксплуататорские классы среднеазиатских народов, тогда как трудящиеся массы якобы стремились оказаться под гнетом царизма⁹. Эти слова настолько убедительны, что не нуждаются в комментариях.

Надо сказать, что попытки оправдать захватническую политику царизма и колониальную систему в крае порою имели место и в наши дни. Известно, что генерал-губернатор Туркестанского края К. П. Кауфман сыграл ведущую роль в завоевании узбекских ханств и колониальном порабощении коренного населения. Однако один из современных авторов — М. Попов, идеализируя личность К. П. Кауфмана, тем самым стремится замаскировать сущность царской агрессии в Средней Азии. Так, в своей статье «Полководец и дипломат»¹⁰ он подверг критике «Советскую историческую энциклопедию», заметив следующее: «Кауфману уделено (и то всего несколько строк) внимание. Но... в противоречие историческим фактам — в этой энциклопедии утверждается, что К. П. Кауфман якобы проводил жестокую колониальную политику». Далее автор пишет, что нынешняя перестройка позволяет «отвергнуть укоренившуюся догму, согласно которой присоединение Средней Азии к России оценивается предвзято, как реакционное колониалистическое событие». В заключение статьи он охарактеризовал личность Кауфмана как человека, «крайне далекого от жестокости и шовинизма».

Так автор всячески стремится изобразить К. П. Кауфмана не как военно-политического деятеля царской России, сыгравшего главную роль в пролитии крови тысяч людей и в проведении колониальной политики, а скорее как «носителя прогресса» в Средней Азии.

Следует отметить, что материалы, относящиеся к завоеванию Средней Азии, более или менее широко представлены в дореволюционной литературе и периодической печати.

Дореволюционные авторы создали специальные труды, посвященные истории завоевания Средней Азии Россией¹¹. Хотя в этих публикациях бросается в глаза методологическая беспомощность авторов, но в них систематизировано и обобщено большое количество ценных материалов. Важно также, что многие работы написаны участниками собы-

⁹ Там же. С. 56—57.

¹⁰ Фрунзевец. 1989. 15 июня.

¹¹ Абаза К. К. Завоевание Туркестана. СПб., 1902; Венюков М. И. Поступательное движение России в Средней Азии//Сборник государственных знаний. Т. 3. СПб., 1877; Гродеков Н. И. Хивинский поход 1873 г.: Изд. 2. СПб., 1888; Лыко М. Очерк военных действий 1868 года в Зеравшанской долине//Военный сборник. 1871. № 5—6; Львов И. Завоевание Туркестана//Русский вестник. 1868. № 7; Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Тт. 1—3. СПб., 1906; Шепелев А. Очерк военных и дипломатических сношений России со Средней Азией//Материалы для истории Хивинского похода 1873 г. Ч. I. Ташкент, 1879; и мн. др.

тий. Вместе с тем был опубликован сборник документов по истории завоевания Средней Азии царизмом¹².

В советский же период, помимо упомянутых выше специальных трудов Н. А. Халфина и Х. З. Зияева, была опубликована лишь статья А. Л. Попова «Из истории завоевания Средней Азии»¹³.

Существенный недостаток трудов, посвященных интересующему нас вопросу, заключается в том, что в них весьма бледно описаны упорные сражения коренного населения с царскими войсками, вследствие чего не получило надлежащего освещения сопротивление среднеазиатских народов царским колонизаторам.

Ввиду невозможности в рамках одной статьи более обстоятельно осветить весь процесс завоевания края царизмом, остановимся лишь на отдельных сражениях, что позволит создать более или менее ясное представление об отношении коренного населения к царской агрессии.

Попытка захватить узбекские ханства была предпринята царизмом еще во времена Петра I, который в 1717 г. организовал крупную военную экспедицию в Хивинское ханство. Однако здесь она была разгромлена. В дальнейшем, в силу сложившихся тогда в России внутренних и внешних обстоятельств, намерения царизма овладеть ханством длительное время не получали своего осуществления.

Более благоприятные условия для дальнейшего расширения влияния царизма в Средней Азии сложились в конце 40—начале 50-х годов XIX в. Так, в 1847 г. царские войска захватили устье р. Сырдарья, где было построено Раимское (Аральское) укрепление. В 1852 г. отряд царских войск в составе 469 человек при двух орудиях штурмовал крепость Ак-Мечеть, принадлежавшую Кокандскому ханству. Штурм окончился неудачей, отряд потерпел поражение, потеряв 72 человека¹⁴.

Упорное сопротивление защитников крепости заставило царские власти организовать повторное наступление значительными силами. В 1853 г. более чем двухтысячное войско при 12 орудиях и 5 мортирах под командованием генерала Перовского вновь осадило Ак-Мечеть. Характерно, что защитники крепости на требование царского генерала о добровольной сдаче ответили, что «они намерены до тех пор сопротивляться, пока в их пороховницах останется хоть одно зерно пороха, а на их улицах один кесак (глыба земли, бросаема в неприятеля за недостатком камней) и пока не разломаны клинки их мечей и головки их копий»¹⁵.

Крепость обороняли всего 250 человек, которые проявили высокое мужество и героизм. Удивленный этим генерал Перовский в своем донесении писал: «Оборона со стороны кокандцев на бреши по стенам и в строениях внутри крепости была самая отчаянная, несмотря на то, что комендант, преимущественно поддерживавший дух гарнизона, Мухаммад Вали был убит при самом начале штурма; он и все храбрейшие сподвижники его, между ними и сотник Лефес, начальствовавший крепостью при прошлогоднем штурме полковником Бларамбергом, легки, как обещались, все до единого, защищаясь до последней крайности»¹⁶.

28 июля 1853 г. после 22-дневной осады крепость была взята царскими войсками штурмом. Из 250 ее защитников в живых осталось только 74 человека, да и то 35 из них были ранены. Из крепости было

¹² Серебрянников А. Г. Туркестанский край: Сборник материалов для истории его завоевания. 1844—1866 гг. Ташкент, 1914—1916.

¹³ Исторические записки. М. 1940. № 9.

¹⁴ Туркестанский сборник. Т. 93. С. 4.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Донесение генерала Перовского об осаде Ак-Мечети от 31 июля 1853 г. за № 625/Туркестанский сборник. Т. 58. С. 22.

вывезено 80 женщин и 25 детей обоего пола. Со стороны царских войск было убито 25 и ранено 46 человек¹⁷. На месте крепости было построено укрепление «Форт Перовский» (ныне г. Кзыл-Орда).

По данным местных источников, потеря крепости Ак-Мечеть, имевшей важное стратегическое значение, вызвала сильное беспокойство в Коканде. Не зря кокандский хан неоднократно организовывал нападения на нее. Так, вскоре после падения Ак-Мечети из Коканда был отправлен воинский отряд во главе с Шадманом Ходжи Дадхо, Сарымсаком Дадхо и Мухаммадом Керим шейхом, чтобы вновь овладеть крепостью. Однако упомянутые военачальники, расположившись в районе крепости, так и не решились завязать бой с царскими войсками и ни с чем вернулись в Коканд. За это их обвинили в трусости и подвергли суровому наказанию¹⁸.

В другой раз под Ак-Мечеть прибыл воинский отряд из Ташкента во главе с правителем его Сабдалходжой в количестве 8 тыс. человек. В результате боев ташкентцы, потеряв убитыми 192 человека, вынуждены были отступить. Они увезли раненых на 92 верблюдах¹⁹.

Несмотря на это, 14 декабря 1853 г. из Ташкента вновь был организован военный поход. Войско в количестве 13 тыс. человек возглавлял Якуббек. Через Туркестан отряд прибыл в Янги-Курган, а затем в Джулек (в 150 верстах от Ак-Мечети). Здесь произошло сражение, в котором кокандские войска и ополчение потерпели сокрушительное поражение, потеряв убитыми и ранеными до 2 тыс. человек. Царские же войска потеряли убитыми всего 55 человек.

В январе 1855 г. из Туркестана к Ак-Мечети двинулись новые военные силы и ополчение в составе 1 500 человек. Они дошли до Джулека, но, получив известие, что против них выступил отряд царских войск, повернули назад²⁰.

В августе 1860 г. сдалась кокандская крепость Токмак, а 4 сентября того же года после перестрелки пала крепость Пишпек. Здесь было найдено 5 медных орудий, 11 небольших чугунных пушек, 49 крепостных ружей, 367 кремневых и фитильных ружей и мушкетонов, 6 пистолетов, 366 сабель и шашек, 206 пик, 16 щитов с серебряными украшениями и один позолоченный. Кроме того, было изъято 114 пудов пороха, 7 кольчуг и много ядерных снарядов. Из числа защитников крепости было убито 20 и ранено 50 человек. Всего в крепости было взято в плен 697 человек, из них 84 торговца и их работника, 63 женщины и 38 малолетних детей.

Царские войска выпустили по крепости Пишпек 954 снаряда, несколько ракет и истратили 12 869 патронов²¹. Овладев Токмаком и Пишпеком, они вернулись в Верный. Воспользовавшись этим, кокандцы через некоторое время вновь разместились близ Пишпека. Призвав на помощь казахов и киргизов они выступили против царских войск. «...Огромное скопище казахов-юсуповцев и дикокаменных киргиз, кочующих в долине /р. Чу и в ущельях гор на пространстве между Аулиеата и Пишпеком», соединились с силами ханства; общая численность их доходила до 20 тыс. человек при 10 орудиях²². Во главе этой огромной силы стоял ташкентский правитель Каноатшо.

¹⁷ Там же. Здесь и далее сведения о потерях обеих сторон приводятся нами согласно данным использованных источников.

¹⁸ Мулла Мирза Алим Мухаммад Рахим углы. Абнаси — буссала-тин: Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 3753, л. 27.

¹⁹ Русский Туркестан: Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки. СПб., 1872. С. 16.

²⁰ Там же. С. 17.

²¹ Донесение полковника Циммермана от 28 августа 1860 г. // Туркестанский сборник. Т. 58. С. 33—34.

²² Донесение генерала Гасфорда от 10 ноября 1860 г. за № 1719 // Там же. С. 35.

8 октября 1860 г. передовой отряд их в количестве 5 тыс. человек появился на высотах Кастека, а также близ Узун-Агача и на Кара-Кастеке. Здесь произошли столкновения с царскими войсками. Генерал Гасфорд охарактеризовал эти сражения следующим образом: «Вообще в этом славном для нашего оружия деле неприятель сверх ожидания оказал весьма упорное сопротивление: атаки его были весьма настойчивы, и он неоднократно с остервенением бросался в рукопашную схватку». Вместе с тем он отмечал, что «огонь их не был так безрасчетлив, а в артиллерийской стрельбе их заметно было большое искусство»²³.

Обоюдные стрельба и бомбардировки продолжались несколько дней. Наконец, 24 октября Пишпек сдался. В плен было взято 22 офицера, 554 сарбаза, 88 купцов, 92 женщины и ребенка — всего 756 человек. Трофеи царских войск составили 200 пудов пороха, до 7 тыс. ядер, бомб, гранат и др. Насколько ожесточенным было это сражение, можно судить по тому, что царскими войсками были выпущены 2 051 снаряд и 63 ракеты, израсходовано 31 879 патронов. Потери царских войск составили 13 убитых и 29 раненых²⁴. Со стороны же кокандских войск было потеряно до 1 500 человек²⁵.

В 1861 г. упорное сопротивление оказали и защитники кокандской крепости Янги-Курган. Здесь под огнем царской артиллерии возник сильный пожар, продолжавшийся с 4 часов дня до ночи. Несмотря на это, крепость отвечала «беспрерывным огнем»²⁶. В ответ на это царские войска усилили обстрел крепости, где вновь возник большой пожар, распространявшийся с такой силой, что вся крепость «была закрыта густым дымом, охватившим ее со всех сторон»²⁷. В конечном счете крепость вынуждена была сдаться, после чего стало известно, что там находилось всего 260 человек, из них 40 женщин и детей²⁸.

В 1860 г. жаркие бои происходили в местности, расположенной по обеим сторонам р. Кара-Кастек, к северу от дороги из Верного (ныне Алма-Ата). Здесь царские войска столкнулись с «кокандскими скопищами» до 5 тыс. человек. В течение 9 часов шло ожесточенное сражение, в котором подчас дело доходило до рукопашных схваток. Из кокандских войск и ополченцев было убито и ранено 1 500 человек, а царские войска потеряли, по данным источника, одного убитого и 25 раненых²⁹.

В 1864 г. царское правительство приступило к подготовке захвата Сузака и Аулиеаты. Осуществляло военные приготовления и Кокандское ханство. Так, правитель Ташкента Нурмухаммед посетил Сузак, Чолак-Курган и Аулиеату, чтобы ознакомиться с их укреплениями. Сменивший впоследствии Нурмухаммеда Парваначи Койчи также побывал в Аулиеате, чтобы поднять против царизма племена Чуйской долины³⁰.

В мае 1864 г. царские войска (2 500 человек при 22 орудиях) сражались под Аулиеатой с кокандскими войсками и ополчением (1 500 человек). Последние под натиском царских войск сначала переправились на левый берег Таласа, а затем вынуждены были укрыться в крепости Аулиеаты. После кровопролитного сражения крепость пала. Со стороны ее защитников было убито 307 и ранено 390 человек.

²³ Там же. С. 44—45.

²⁴ Там же. С. 48—49.

²⁵ Там же. Т. IX. С. 17.

²⁶ Донесение генерала Безака от 4 ноября 1861 г. за № 4099//Русский Туркестан. С. 24.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 26.

²⁹ Донесение генерала Гасфорда от 10 ноября 1860 г.//Там же. С. 36—38.

³⁰ Донесение полковника Черняева от 6 июня 1864 г. за № 222//Там же. С. 51.

В плен взят 341 сарбаз, а также захвачены трофеи: 5 орудий, 397 фитильных ружей и винтовок, 513 сабель и шашек, 450 пик, 82 пуда пороха, 70 пудов свинца и ядер различного калибра³¹.

В июне 1864 г. завязались ожесточенные бои за г. Туркестан, где «кокандцы произвели три атаки, но всякий раз были отбиваемы с большою потерею»³². Бои шли и за чертой крепости, в частности защитники, «пробравшись садами, сделали нападение на лагерь, но встреченные картечью и ружейным огнем на весьма близкой дистанции отбиты с огромной потерей убитыми и ранеными»³³. Стычки продолжались и в дальнейшем. 12 июня 1864 г. г. Туркестан был взят царскими войсками. По данным местного источника, при этом было убито много защитников города³⁴.

Захват Аулиеата и Туркестана вызвал большую тревогу в Кокандском ханстве. Важнейшим пунктом обороны от наступавших царских войск становится Ташкент. Со всех городов ханства сюда стягивались срочно сформированные отряды ополченцев. В частности, туда прибыли ополченцы и войска из Коканда, Намангана, Андижана, Оша и др.³⁵

Кокандские войска и ополченцы направились из Ташкента к Чимкенту. 7 июня 1864 г. Черняев с отрядом в 1 298 человек также двинулся в сторону Чимкента и остановился в урочище Якчису. Здесь между царскими войсками и двумя отрядами кокандских войск и ополченцев (в одном от 2 до 3 тыс. человек во главе с Мингбаем, в другом — от 4 до 6 тыс. человек во главе с Алимкулом) произошло сражение, в котором защитники потеряли убитыми, по одним данным, — 2 тыс., по другим — 3 тыс. человек³⁶.

Из-за упорного сопротивления сарбазов и ополченцев Черняев вынужден был отступить в сторону Туркестана³⁷. Однако, получив подкрепление, он вновь повернул на Чимкент. Здесь в районе кладбища «Жинан», расположенного за крепостной стеной, произошел жаркий бой, в котором Черняев фактически потерпел поражение и опять отступил к Туркестану.

15 июля 1864 г. в округе Алтын-Тюбе, или Ак-Булаке, расположенном недалеко от местности Арысь, царским войскам пришлось столкнуться с силами Кокандского ханства. Один из крупных отрядов последнего (500 человек) атаковал лагерь царских войск, который весь оказался в огне. Затем началось весьма упорное сражение, в котором участвовало 12 тыс. кокандских войск и ополченцев. В общей сложности за два дня битвы число выбывших защитников достигло 2 тыс., а у царских войск их насчитывалось 405 человек³⁸. Со стороны царских войск было израсходовано 210 ядер и гранат, 19 боевых ракет и 25 319 ружейных патронов³⁹. В конечном счете царские войска одержали победу. 21 сентября 1864 г. штурмом была взята крепость Чимкент. Потери царских войск составили 6 убитых и 41 раненых, со стороны защитников города потери были несравненно больше⁴⁰.

Ожесточенные бои между царскими и кокандскими войсками произошли и в местности Икан (близ г. Туркестан). В результате

³¹ Там же.

³² Донесение полковника Веревкина от 19 июня 1864 г. за № 66//Там же. С. 51—55.

³³ Там же.

³⁴ Мухаммад Салих [Кари. Тарихи жадидаи Тошкент: Рқп. ИВ АН УзССР, инв. № 7791, л. 444.

³⁵ Там же, л. 448.

³⁶ Серебренников А. Г. Туркестанский край... С. 26.

³⁷ Мулла Мирза Алим Мухаммад Рахим углы. Указ. соч., л. 290.

³⁸ Донесение капитана Мейера от 17 июля 1864 г. за № 60//Там же. С. 61—64.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Мухаммад Салих. Указ. соч., л. 450.

трехдневного сражения, в котором порой дело доходило до рукопашных схваток, защитникам удалось одержать победу. Царские войска отступили в Туркестан, потеряв только убитыми 80 человек. Немало погибших было и среди защитников⁴¹.

Одним словом, царские войска в течение 1853—1864 гг. в результате упорных боев овладели рядом городов и укреплений, принадлежавших Кокандскому ханству и тем самым расчистили путь для дальнейшего проникновения в глубь Средней Азии, прежде всего на Ташкент⁴².

Первое наступление царских войск на Ташкент было осуществлено 1 октября 1864 г. По свидетельству очевидца событий, все население было мобилизовано на укрепление обороны города. Царские войска пошли на штурм крепости. В ходе ожесточенных боев, доходивших до рукопашных схваток, с обеих сторон были убиты и ранены десятки людей. В частности, отряд Черняева потерял убитыми 72 человека и вынужден был возвратиться в Чимкент. Победа защитников вызвала всеобщее ликование в городе; женщины со словами благодарности несли защитникам пищу⁴³.

29 апреля 1865 г. царские войска под командованием Черняева в составе 2 000 человек вновь подошли к крепости Ниязбек, расположенной вблизи Ташкента. В результате сражения с трехтысячным гарнизоном царские войска одержали победу. По совету предателя — ташкентского жителя Абдурахманбека Шадманбекова Черняев разрушил плотину на р. Чирчик и тем самым лишил город воды. Между тем из Коканда подошли новые силы во главе с Алимкулом, которые вместе с защитниками города завязали упорное сражение в местности Дархан. Встретив упорное сопротивление, царские войска отступили в Шур-тепе. Эта победа вызвала большой восторг горожан, повсюду гремели карнай и сурнай. Жители города, пишет Мухаммад Салих, от 7 до 70 лет, приходили к защитникам и угощали их горячими лепешками, кислым молоком и т. п. Со слезами на глазах они выражали им свою глубокую признательность за самоотверженную битву⁴⁴. Лишь после неоднократных сражений в ночь с 14 на 15 июня 1865 г. царские войска штурмом ворвались в город. После трехдневных уличных боев 17 июня 1865 г. Ташкент был захвачен царскими войсками. По данным русских источников, число защитников доходило до 30 тыс. человек с 62 орудиями⁴⁵. Многие из них были вооружены чем попало. Число убитых и раненых было весьма внушительным.

Ожесточенные бои завязались в Джизаке. Здесь было убито до 3 тыс. защитников⁴⁶.

В дальнейшем царизм завоевал Бухарское (1868), Хивинское (1873) и Кокандское (1876) ханства.

Покорение узбекских ханств вызвало ликование в правящих кругах царской России. Министр финансов Вышнеградский называл вновь завоеванные земли в Средней Азии «лучшей жемчужиной в русской короне»⁴⁷.

В заключение следует отметить, что против царской агрессии поднимались десятки тысяч людей и тысячи из них пали в этой борьбе. Однако неспособность ханской власти организовать должный отпор, низкий уровень военных знаний и техники, а также предательст-

⁴¹ Мулла Мирза Алим Мухаммад Рахим углы. Указ. соч., л. 291.

⁴² Данный вопрос более или менее подробно изложен в нашей работе «Присоединение Ташкента к России».

⁴³ Мухаммад Салих. Указ. соч., л. 461.

⁴⁴ Там же, л. 501.

⁴⁵ Туркестанский сборник. Т. 93. С. 18.

⁴⁶ Русский инвалид. 1868. № 140.

⁴⁷ Биография М. Г. Черняева//Очерки истории Ташкента. Ташкент, 1915. С. 2.

во царистской группировки из коренного населения привели к поражению. В этом немалую роль сыграло и то, что три узбекских ханства в то время, когда решалась судьба края, вместо того, чтобы объединить свои силы против колонизаторов, продолжали междоусобную борьбу. Особенно враждебный характер носили бухарско-кокандские отношения.

Итак, из всего сказанного вытекает, что при рассмотрении данной проблемы совершенно неправомерно употреблять слово «присоединение», а пора уже называть вещи своими именами.

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ

КУЛЬТОВОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ НА ДЖАРКУТАНЕ

Джаркутан — один из древнейших центров раннегородских культур Средней Азии — не перестает привлекать к себе внимание ученых. Археологические раскопки, проводимые здесь на протяжении 15 лет под руководством акад. АИИ УЗССР А. А. Аскарлова, создали обширную фактологическую базу для исторической реконструкции материальной и духовной культуры оседлоземледельческих племен Северной Бактрии¹. Новыми интересными открытиями увенчался и осенний полевой сезон 1987 г. Одно из них — погребение № 200 могильника Джаркутан 4В, в котором было совершено парное одновременное культовое захоронение человека и барана с разнообразным сопровождающим инвентарем.

Могильник Джаркутан 4В, наиболее удаленный от поселения, служит как бы южной границей всего археологического комплекса Джаркутана. Основная группа погребений могильного холма относится к кузалинскому (1350—1200 гг. до н. э.) и молалинско-бустанскому (1200—950 гг. до н. э.) этапам древнеземледельческой культуры Сапалли (1700—950 гг. до н. э.). К настоящему времени здесь раскопана 221 могила.

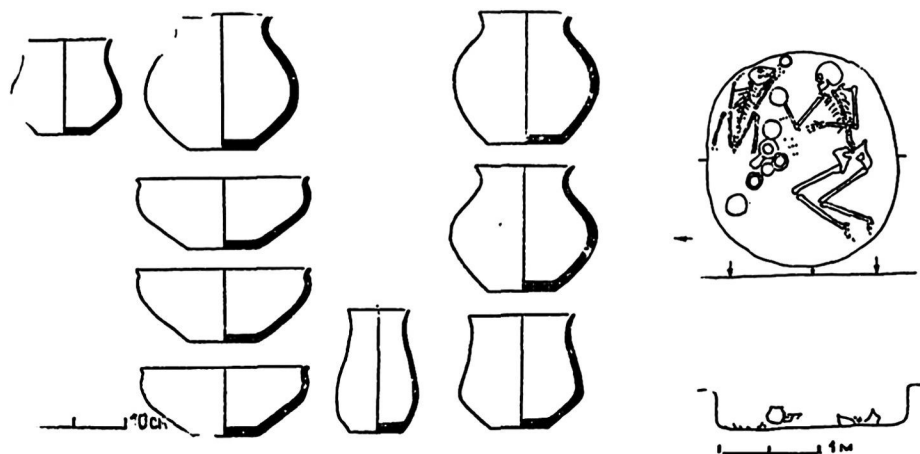

Рис. 1. План и разрез погребения № 200 и его керамика.

Интерес к погребению № 200 вызван несколькими причинами. Во-первых, совместное одновременное неограбленное погребение человека и барана открыто на Джаркутане впервые. Известные ранее могилы с захоронениями барана отличаются от погребения № 200 тем, что одно из них (погр. № 130 — разновременное, с потревоженным человеческим костяком во входной яме, другое (погр. № 180) — сильно ограблено, от скелета человека сохранился лишь череп. Во-вторых, в данном погребении найден разнообразный набор бронзовых votивных орудий труда и оружия (13 предметов).

Все это побуждает нас с особой тщательностью рассмотреть открытое нами захоронение.

Погребение № 200 (рис. 1) обнаружено в северо-восточной части холма на

¹ Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977; Аскарлов А. А., Абдуллаев Б. Н. Джаркутан. Ташкент, 1983.

глубине 105 см от дневной поверхности. Погребальное сооружение представляет собой грунтовую яму округлой формы, размером 200×180 см по оси в.—з. Сохранившаяся глубина — 35 см. Заполнение могилы плотное с незначительной примесью угля. На дне погребения обнаружены скелеты мужчины 30—35 лет и молодого барана (до 6 мес.), а рядом — 9 глиняных сосудов (рис. 1) и 13 бронзовых votivных предметов (рис. 2). Скелет мужчины (очень крупный) лежал в южной половине ямы на правом боку, в скорченном положении, головой на восток. Левая рука под прямым углом согнута на животе, правая перед лицом. Ноги сильно согнуты в коленях под тазовыми костями.

Скелет барана находился в северо-восточном углу могилы на животе, с сильно поджатыми конечностями, головой на восток. Череп слегка повернут на левую сторону.

В северной половине ямы вдоль скелета барана стояли сосуды. У черепа — цилиндрический горшок. У кисти правой руки скелета мужчины — миска. Далее к западу еще одна такая же миска, два горшка с шаровидным туловом, небольшая кринка (опрокинутая наземь), цилиндрический горшок, горшок с шаровидным туло-

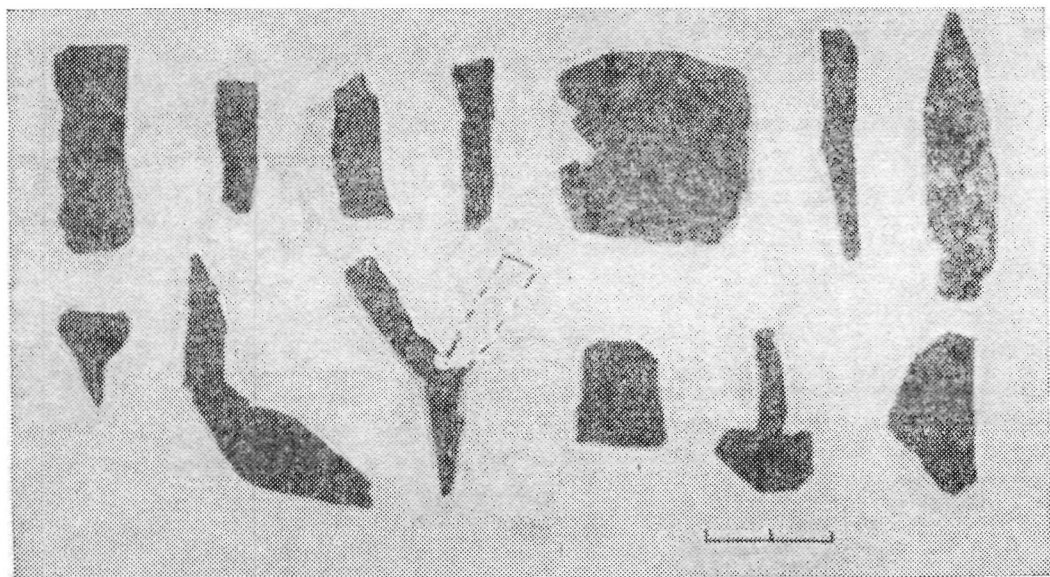

Рис. 2. Бронзовые votivные предметы из погребения № 200.

вом и миска. Между скелетами находился бронзовый votivный инструментарий. Вблизи голени умершего на куске сильно обожженной земли лежала бронзовая миниатюрная тарелочка, вокруг нее — яркие скопления красной охры. Рядом — бронзовый votivный серп (коса). Далее к востоку еще девять votivных предметов — кетмень, топор-секач, соха, топор-кельт, мотыга (лопата), орудие неопределенного назначения, стамеска и три тесла. У черепа барана лежал бронзовый votivный нож. В западной части могилы найдено несколько речных галек. По характеру ритуала и погребальному инвентарю могила датируется завершающим — бустанским временем сапаллинской культуры.

Каков же ритуальный смысл погребального обряда описанной могилы?

Глиняная посуда — самый популярный атрибут сопровождающего покойника инвентаря в сапаллинской культуре. В ней приносились в могилу всевозможные яства — куски мяса, бульон, молочные каши, одурманивающие напитки и пр. Почти все сосуды не были предназначены специально для погребения и использовались ранее в качестве парадно-бытовой посуды. Однако, как справедливо отмечает Е. В. Антонова, «вещь, которая в обыденной жизни выступает как утилитарный предмет, в ритуале предстает во всем богатстве своих семантических связей, потому что именно в нем актуализируется мифологическая парадигма»².

В древнем Вавилоне сосуды как емкости жидкости, воды отождествлялись в определенном ритуальном контексте с мифологическим источником вод. В индийских традициях сосудами с водой подчеркивали источник здоровья, бессмертия, бла-

² Антонова Е. В. К исследованию места сосудов в картине мира первобытных земледельцев // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986. С. 55.

гополучия семьи³. В ведических текстах есть указание, что «глина — это земля, вода — это небо». Сосуд символизирует жертву, жертвенное животное. Жертвователю «получает потомство, благосостояние, обладание коровами, хорошую мужскую силу, сородича»⁴.

Разумеется, основной ритуальной функцией сосудов, находящихся в погребении, было принесение в них заупокойной пищи. Как показали исследования В. Я. Проппа, в фольклоре и мифологии разных народов принесение пищи в могилу покойника вызвано необходимостью приобщить его к миру умерших. Еда очищает от земного и превращает человека в неземное, летучее существо⁵. В 122-й главе «Книги мертвых» говорится, что умерший требует сосуда молока с хлебами и кусками мяса, которые должны помочь ему продвигаться дальше, подобно птице, в страну предков⁶.

Аналогичные факты находим мы и в древнеиранской религии, где Ахурамазда запрещает спрашивать душу прибывшего на небо о страшном и ужасном пути, пока она не отведаст небесной пищи⁷. По зороастрийским представлениям, все употребляемое в пищу относится к благам творениям, и потому все, что с ней соприкасается, должно быть очищено и защищено от злых сил⁸. Как сообщает М. Бойс, все сосуды, используемые в зороастрийском богослужении, предварительно тщательно мыли и освящали⁹. Не исключено, что схожие идеологические мотивы обусловили то, что в погребения сапалниской культуры заупокойная пища приносится почти повсеместно в парадно-бытовой, а не в кухонной посуде.

Ритуальная функция бронзовых votивных предметов Джаркутана достаточно противоречива. Особенно остро дискутируется вопрос о причине их появления. Одни исследователи связывают распространение votивных изделий с рациональным использованием металла, экономией важного стратегического сырья. Другие, напротив, видят в votивных предметах лишь своеобразную переоценку некоторых ритуально-культурных мотивов в погребальной практике земледельцев.

Думается, однако, что было бы правильнее искать причину появления votивных предметов с обеих сторон. Не пытаюсь дать здесь свое объяснение этой проблеме, отметим лишь, что появление votивных предметов на кузалинском этапе совпало со временем значительных изменений в системе производственных и социальных отношений оседлых земледельцев Джаркутана. Археологическим подтверждением тому служат возникновение внутри поселения монументального храма огнепоклонников с металлургическими мастерскими, оформление так наз. дворцового комплекса, обособление производственных массивов, резкое увеличение кенотафных захоронений в некрополях.

Нам представляется, что появление votивных предметов в погребальном обряде джаркутанцев на кузалинском этапе нельзя рассматривать независимо от этих обстоятельств, в отрыве от социально-имущественной дифференциации общины. Скорее всего, на данном этапе выделяется группа людей, в силу экономических и социальных факторов специально занимающаяся изготовлением votивных предметов для нужд погребальной практики. Естественно, всякий предмет погребального инвентаря (даже будучи порождением экономической необходимости) не может не быть ритуально осмыслен. Мало того, всякое изменение экономического порядка, проникая в погребальный обряд, нередко теряет свой первоначальный знаменатель и полностью поглощается ритуалом. Однако это отнюдь не означает, что именно в нем скрыта первопричина смещения ритуальных акцентов в обряде. Ритуал идет не впереди жизни, а за ней, подстраиваясь под нее. Разумеется, эта определяющая закономерность не исключает возможных отклонений, обратных связей и пр.

Что касается интерпретации ритуала помещения предметов труда и оружия в погребение человека, то здесь, видимо, уместно вспомнить некоторые этнографические сведения. Среди архаичных народов Африки широко распространено было поверье, что «присущее человеку жизненное начало, не покидая его, способно воплощаться в различных предметах»¹⁰. Так, у племен мбунду первоначально роль заместителя жизненного начала народа — его «души» — выполняли предметы из железа — молот, колокол, мотыга, нож, позднее — любой ржавый, даже бесформенный, кусок металла¹¹. Как отмечает В. Б. Иорданский, «предмет, используемый в обряде, либо походил на «модель» ожидаемого действия, «образ» предполагаемого результата, являлся его хотя бы только символической «частью», или же был его прямой противоположностью. Наличие одного из таких признаков было условием, позволяющим

³ Там же. С. 54.

⁴ Кузьмина Е. Е. Гончарное производство у племен андроновской культурной общности (об одном археологическом аспекте проблемы происхождения индоиранцев) // Восточный Туркестан в Средней Азии... С. 177.

⁵ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 68.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 69.

⁸ Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи. М., 1987. С. 56.

⁹ Там же. С. 13.

¹⁰ Иорданский В. Б. Хаос и гармония. М., 1982. С. 223.

¹¹ Там же. С. 224.

превратить вещь в «аккумулятор» магической энергии». «..Вещное начало играло огромную роль в обрядности главным образом в силу двух причин. С одной стороны, архаичному сознанию было удобно рассматривать используемый в ритуале предмет как символ той цели, которой оно пыталось в ходе обряда достичь. С другой, — оно верило, что в применяемом средстве действительно заключалась только ему свойственная сила»¹².

В археологической литературе о votивных предметах имеется крайне скудная информация. Аналогичные изделия есть в погребениях № 85 и 89 на Сапаллитепа¹³. В них найдены схожие с джаркутанскими бронзовые votивные топоры, стамеска, а также миниатюрная лесенка, принадлежащие по мнению А. А. Аскарлова, строителю-плотнику¹⁴. Известны votивные предметы и в некоторых синхронных памятниках эпохи бронзы Западного Таджикистана (Тандыр-йул, Кангурт-тут)¹⁵ и Восточной Грузии (Шилда, Мелители I, Муракеси)¹⁶.

В погребении № 200 центральное место занимает жертвоприношение барана. Этот факт интересен прежде всего с двух сторон — социальной и культовой.

Во-первых, перед нами неординарный вариант похоронного обряда джаркутанцев, в погребальной практике которых, как показали многочисленные археологические данные, было принято обычно умертвлять и хоронить жертвенного барана лишь в случае отсутствия трупа умершего, но никогда — вместе с человеком, одновременно. Известно несколько погребений человека с животным на Сапаллитепа. Однако все они являются разновременными, где животное подчеркнуто уложено на том боку, кого оно символизирует (как правило, мужчину). Начиная с молалинского этапа, жертвенные бараны уже укладываются в могиле и на животе, тем самым изменяя свое социально-культурное значение и отражая прежде всего экономическую состоятельность индивида. Смена акцентов в погребальном обряде джаркутанцев произошла не случайно. Она обусловлена, как нам представляется, изменениями в социально-имущественных отношениях в обществе. Не исключено, что в погребении № 200 мы имеем дело с археологическим свидетельством зарождения индивидуальной собственности на скот. О том, что заупокойная жертва была принесена не рядовому общиннику, убедительно говорит представительный набор бронзовых предметов.

Интерес вызывает и культовая сторона ритуала жертвоприношения животного. Что означает заупокойная жертва в могиле человека? Надо сказать, что в сапаллинской культуре известно 15 захоронений животных. Два одиночных захоронения баранов раскопано в Северном Афганистане на Дашли I В. И. Сариниди¹⁷. Одни исследователи рассматривают их как умилоостивительную жертву, другие — как олицетворение богатства и благополучия семьи. М. Бойс полагает, что древние иранцы верили, «что души животных, убитых с оскверняющей молитвой, поглощаются божеством, ... кровавые жертвоприношения укрепляют это божество, а оно, в свою очередь, заботится о всех полезных животных на земле и способствует их изобилию»¹⁸. По заключению В. Я. Пролпа, «смерть на некоторой стадии мыслится, как превращение в животных»¹⁹. Айны, умертвляя живые существа, обращаются с ними, как с богами, надеясь извлечь из этого разного рода выгоды. Они считают, что посылают жертвенное животное к своим предкам и к богам «верхнего мира», и с помощью различных ухищрений (съедая отдельные части тела жертвы) надеются стать обладателями их положительных, сверхъестественных качеств. Айны верят также, что духи принесенных в жертву животных обязательно возрождаются к земной жизни для вящего блага людей²⁰.

Почему же джаркутанцам в качестве заупокойной жертвы служил именно баран? По Авесте, баран считается одним из праведных животных. Именно баран служит помощником усопшего в переправе по мосту Чинват. Сопоставимые сведения мы находим в древнем Египте, где баран приносится в жертву богу солнца Амону. При ряде египетских храмов содержались священные бараны, которых использовали в качестве гаранта благополучия и плодovitости. Согласно ведийским текстам, в барана могут превращаться и божество (одна из аватар Агни — баран), и человек²¹. В традиционном африканском обществе, в частности у кикую, существовал обряд очищения, когда требовалось перейти реку, держа в руках священного

¹² Там же. С. 212.

¹³ Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977. Табл. XXXI—XXXII. С. 195—196.

¹⁴ Там же. С. 267.

¹⁵ Антонова Е. В., Виноградова Н. М. О летних и осенних разведках в Регарском районе в 1974 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XI/V (1974). Душанбе, 1979.

¹⁶ Пичхелаури К. Н. Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси, 1979. С. 51—58.

¹⁷ Сариниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977. С. 55.

¹⁸ Бойс М. Указ. соч. С. 11.

¹⁹ Пролп В. Я. Указ. соч. С. 77.

²⁰ Фрезер Д. Д. Золотая ветвь. М., 1983. С. 484.

²¹ Мифы народов мира. Т. I. М., 1982. С. 237—238.

барашка. Река — символ мифического водного потока, отделяющего царство мертвых от мира живых²².

В этой связи примечательно, что все могильники Джаркутана расположены на берегу древнего русла. Кроме того, во многих бустанских могилах, в том числе в погребении № 200, присутствуют речные гальки, как возможный символ водной стихии.

Впрочем, существуют и другие семантические объяснения роли камня и гальки в обряде. Так, в зороастризме камень отождествляется с небом (небесная твердь), которое защищает своим сводом землю²³. Камень олицетворяет праведность, прочность, дух святейший²⁴. Среди ряда архаичных народов сохранилось почитание камня как источника магической силы. Перуанские индейцы верили, что камни способствуют увеличению урожая, умножению скота. Встречаются представления о камне, способном вызывать дождь. На о. Банкаса аборигены усматривали в некоторых камнях духов-хранителей, пожирателей, привидения, разного рода нечистой силу²⁵.

Рассмотрим, наконец, и такие культовые элементы, выявленные в погребении № 200, как следы огня и остатки красной краски (охры). В джаркутанских погребениях они фиксируются довольно часто. Наибольшее число могил с этими артефактами приходится на молалинско-бустанское время (почти 1/3 всех погребений). В погребении № 200 на обожженном участке земли с охрой лежала бронзовая votивная тарелочка, что, скорее всего, указывает на ритуальное возжигание огня в могиле. Нам представляется, что огонь и красная краска символизируют источник жизненного начала (огонь) и его материальный носитель — кровь (охра). Миниатюрный сосудик, вероятно, — своего рода «вместилище» для кровавого возжигания. Воплощенное в огне «жизненное начало», нечто «божественное» и «очистительное», ярко проявилось в идеологии зороастризма, в культовой практике которого возжигание огня считалось необходимым звеном всякого ритуала. В мифологии первобытных народов огонь служит также посредником между двумя мирами, и нередко человек при помощи огня отправляется на небо²⁶.

Представления о крови как материальном носителе жизненного начала проявились во многих магических обрядах архаичных народов. Они считали, что в крови заключена душа, жизнь человека и животного²⁷. В Центральной Африке, например, существовал обряд, при котором жрец убивал на камнях ягненка и, набрав овечьей крови, обмазывал ею каждого из участников ритуала. Д. Фрэзер усматривает в этом разновидность причастия к проводнику божественной жизни²⁸. По поверью фанов, в крови содержится магическое начало — йе, которое после церемонии жертвоприношения таинственными путями достигает богов²⁹.

Такие культовые мотивы в погребальном обряде, как жертвоприношение барана, скопления угля и золы, красной краски, были широко распространены прежде всего среди скотоводческих племен степного круга. Учитывая их вкупе с другими артефактами (лепные сосуды, горшок с подтреугольным процарапанным орнаментом, бронзовые кинжалы с выемкой у основания клинка, алтари огня и пр.), есть основание предположить, что во второй половине II тыс. до н. э. контакты древних обитателей Джаркутана с племенами скотоводческого севера стали более зримыми и регулярными. В рассмотренном нами погребении нашли свое материальное воплощение лишь некоторые из них.

Итак, судя по всему, погребение № 200 принадлежало достаточно состоятельному общиннику, пользовавшемуся большим уважением и авторитетом среди своих сородичей. О его высоком гражданском статусе свидетельствует представительный набор бронзовых предметов, которые имитируют скорее всего рабочий инструментарий земледельца-строителя.

Культовое захоронение человека и барана на Джаркутане стало, таким образом, важным дополнительным источником в исследовании материальной и духовной культуры оседлоземледельческих племен древней Бактрии и отразило ряд новых сторон в их погребальном обряде.

В. Ионесов

²² Иорданский В. Б. Указ. соч. С. 248.

²³ Бойс М. Указ. соч. С. 33.

²⁴ Там же. С. 29.

²⁵ Фрэзер Д. Д. Указ. соч. С. 78—185.

²⁶ Пропп В. Я. Указ. соч. С. 176.

²⁷ Фрэзер Д. Д. Указ. соч. С. 220.

²⁸ Там же. С. 501.

²⁹ Иорданский В. Б. Указ. соч. С. 222.

УНИКАЛЬНЫЙ БРАКТЕАТ ИЗ ВАРЗИКСКОГО МОГИЛЬНИКА

В течение нескольких лет Северо-Ферганский отряд Института археологии АН УзССР занимается изучением курумного могильника Варзик в предгорной зоне Се-

верной Ферганы, на территории современной Наманганской области. В результате работ 1986 г. здесь впервые за всю историю изучения сооружений типа мугхона был найден брактеат — медный тонкий кружок, диаметром 13 мм, с односторонним оготским антропоморфным изображением.

Остатки погребального сооружения находятся на западной окраине некрополя, на дне лощины, и представляют собой наземный склеп-усыпальницу, сложенную из крупных окатанных камней, уложенных на уровень древней дневной поверхности. Мугхона округлой в плане формы, диаметр — 9 м, максимальная сохранившаяся высота конструкции — 1,5 м. Стены сооружения сложены приемом краевых выкладок, пространство между которыми заполнено мелким камнем. Толщина стен — 3,8 м.

В южной части сооружения, обращенной к долине Гурынчпаяся, имеется узкий проход шириной 60 см, высотой 75 см, с частично сохранившимся перекрытием. Проход ведет в центрально расположенную погребальную камеру прямоугольной формы, размерами 210×180 см. На полу погребальной камеры, уровень которой совпал с уровнем древней дневной поверхности, были расчищены полностью перемещенные, сильно потревоженные в древности (возможно, грабителями) кости скелетов трех погребенных: мужчины 30—40 лет, женщины 20—25 лет и ребенка до 7 лет¹.

Сопровождающий погребальный инвентарь представлен 13 фрагментированными сосудами, из них 10 гончарных, остальные — земляные. Кроме того, найдены большое количество стеклянных бус и бисера, раковина каури, 2 железных наконечника стрел, 5 железных колечек разной величины, железные бляшки и шило, бронзовые колокольчик и серьга, 2 палочки для сурьмления, пряслица, пластинка от ламинарного доспеха. Весь комплекс предметов можно уверенно датировать не позднее III—IV вв. н. э.

Изображение на брактеате оттиснуто с оригинала, выполненного контурными рельефными линиями на ровной плоскости, и передает профиль головы человека вправо в точечном ободке. У изображенного — большой прямой нос, плавно переходящий в сильно скошенный назад лоб, большой глаз с точкой посередине изображен в фас, губы сжаты, подбородок слегка выступает вперед. Ухо большое, вытянутое, бобовидной формы с точкой посередине. На голове — длинные волосы, зачесанные назад, или шлемовидный головной убор, плотно облегающий голову.

Следует отметить сходство этого изображения с изображениями на пластинках из Амударьинского клада людей в персидском одеянии с широкими рукавами и волосами, закрывающими уши и шею и заканчивающимися небольшим валиком (фиг. 89, 92 по каталогу Е. В. Зеймалю)², а также

с рисунком на ткани на одной из фигур настенной росписи Балалыктепа (фиг. № 26)³. Рисунок состоит из рядов черных кругов с перлами, в середине каждого круга вписана голова мужчины с пышной бородой и маленькой шалочкой типа тубетейки. Как считает Л. И. Альбаум, по своему антропологическому типу изображенный близок к обитателям Индии или Ирана⁴.

Наиболее близкие аналогии изображению находит с профилем лица человека на тулове кувшина из поселения Кайрагач⁵. Интересен тот факт, что у изображенного на нашем брактеате и на Кайрагачском сосуде глаз исполнен не в профиль, а в фас. Этот прием хорошо известен в изобразительном искусстве Древнего Востока, а также в предметах греко-бактрийского искусства и в изображениях Геракла на поздних монетах Евтидема⁶.

По мнению Г. А. Брыкиной, мастер выполнил на сосуде портрет какого-то реального человека в подражание изображениям правителей на монетах⁷. Изображение на брактеате лица строго в профиль, точечный ободок вокруг него — все это безусловно отвечает канону, которому подчинены изображения на монетах. Однако среди изображений на монетах, известных в Средней Азии для времени первой половины I тыс. н. э., аналогичного нашему найти не удалось.

Учитывая удивительное портретное сходство изображений на брактеате и на сосуде из Кайрагача и особенно их значительную временную разницу — почти в два столетия, — можно предположить, что последнее сделано с какого-то хорошо известного канонизированного образца, просуществовавшего почти без изменений несколько веков. Отсюда можно предположить, что брактеат из Варзакского могильника был оттиснут с не известного пока еще науке типа монет, чеканенных, возможно,

¹ Определение произведено антропологом Ш. Абиловым.

² Зеймалю Е. В. Амударьинский клад. Л., 1979. С. 57.

³ Альбаум Л. И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960. С. 151. Рис. 148.

⁴ Там же. С. 189.

⁵ Брыкина Г. А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тыс. н. э. М., 1982. С. 127. Рис. 64, 65.

⁶ Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л., 1940. С. 112. Табл. 20, 34, 35.

⁷ Брыкина Г. А. Указ. соч. С. 127.

В подражание чачским монетам III—IV вв., отдаленное сходство с которыми наблюдается, по свидетельству Э. В. Ртвеладзе, в некоторых деталях⁸. Происхождение этой гипотетической монеты уместнее было бы связывать с Ферганской долиной. На сегодняшний день остается открытым вопрос о существовании денежного обращения на территории Ферганы в первой половине I тыс. н. э. Единственной пока находкой, говорящей в пользу этого, является монета из коллекции Самаркандского музея, в надписи на которой, по утверждению В. Л. Лившица, содержится титул «Ферганский царь» и имя правителя. Монета на основе анализа изображений на аверсе и реверсе датирована V—VI вв.⁹

Брактеаты неоднократно обнаруживались на территории Средней Азии, причем в подавляющем большинстве своем — это индикации на золотых и электровых пластинках с «варварских» подражаний византийским солидам. Все они датируются VI—VII вв.¹⁰

За пределами Средней Азии находки индикаций известны из аланского могильника VI—VII вв. в окрестностях Кисловодска, где наряду с золотыми и серебряными индикациями с византийских солидов в большом количестве встречены и брактеаты на тонких медных пластинках¹¹. Большое количество индикаций позднеасанидских и раннеисламских монет имеется среди археологического материала VIII—X вв. в кладе из местности Хойбауч-Подарское (Большеземельская тундра, Морею)¹².

Основная масса находок индикаций датируется временем не ранее VI в. Брактеат из Варзикского могильника позволяет удревнить существование традиции исполнения оттисков на металле почти на 300 лет и опровергнуть мнение о том, что индикации были характерны лишь для раннего средневековья.

Брактеаты не подвергались еще специальным исследованиям. Не выяснены однозначно время и истоки зарождения традиции выполнения оттисков с монет, их непосредственного назначения.

Совершенно очевидно, что, исследуя конкретный материал, нельзя не обращать внимания на историческую картину времени, его датирующего, а также предшествующего ему.

В конце I тыс. до н. э. на территории Средней Азии образуется ряд эллинистических государств, которые налаживали широкие коммерческие, а с ними и культурные связи со странами средиземноморских цивилизаций. Первоначально культурные контакты затронули только верхний пласт аршакидских и греко-бактрийских династий и местной аристократии, почти не проникнув в народные массы. По мнению Г. А. Пугаченковой и Л. И. Ремпеля, лишь монетные кружки греко-бактрийских василевсов с отчеканенными на одной стороне профилем царя, а на другой — фигурой его покровителя внедряли представления о художественных вкусах двора¹³.

Нам кажется возможным связывать зарождение традиции выполнения оттисков с монет именно с этим временем, тем более, что в предметах греко-бактрийского искусства для середины III в. до н. э. известны металлические и глиняные сосуды с имитацией монет, а иногда просто с их отпечатками¹⁴.

В связи с этим представляет большой интерес серебряная чашка на ножке из курганов у с. Покровское Пишпекского уезда, опубликованная К. В. Тревер¹⁵. На ручке этой чашки помещена пластинка с тремя округлыми выступами. На пластинке — реалистическое изображение головы в профиль влево в круге. Кружок на ручке является подражанием монете, как бы вставленной в оправу из полупальметок для украшения ручки. По мнению автора исследования, чашка изготовлена в Фергане и может быть отнесена к концу II — началу I в. до н. э. Отсюда можно допу-

⁸ Авторы приносят Э. В. Ртвеладзе благодарность за оказанную консультацию.

⁹ Лившиц В. А. Письменность древней Ферганы (?): Изл. докл.//Народы Азии и Африки. 1968. № 6. С. 230.

¹⁰ О находках брактеатов см.: Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 гг.//Материалы Узкомстариса. 5. Ташкент, 1933. С. 9—10; Бернштам А. Н. Чуйская долина//Материалы и исследования по археологии СССР. № 14. М.; Л., 1950. С. 146. Табл. L; Стависский Б. Я. О международных связях Средней Азии в V—VIII вв.//Проблемы востоковедения. 1960. 5. С. 111—114; Козенкова В. И. Новый источник для изучения связей Византии и Средней Азии//Советская археология. 1967. № 1. С. 266—270; Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 51.

¹¹ Ртвеладзе Э. В., Рунич А. П. Новые находки византийских монет и индикаций в окрестностях Кисловодска//Византийский временник. № 37. 1976. С. 153—154.

¹² Тревер К. В., Луконин В. Г. Сасанидское серебро//Собрание Гос. Эрмитажа. Л., 1987. С. 42.

¹³ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Очерки искусства Средней Азии. М., 1982. С. 39—40.

¹⁴ Тревер К. В. Ольвийская полихромная амфора//Материалы по археологии России. № 36. 1918; Ее же. Памятники греко-бактрийского искусства... С. 113.

¹⁵ Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства... С. 112. Табл. 34.

считать, что население Ферганы было знакомо с традицией исполнения оттисков с монет и использовало ее для украшения предметов неповседневного спроса. Впоследствии оттиски могли выделиться в самостоятельный вид украшения и выполняться на драгоценном и недрагоценном металле. В этом случае они могли служить сувенирами и представлять собой предмет роскоши. Факт нахождения брактеата в мутхона, выделявшемся из общего числа не только своими размерами, но и значительным количеством и набором сопровождающего инвентаря, видимо, не случаен.

О функциональном назначении брактеатов на данном этапе их изучения нельзя говорить однозначно. Остается открытым и вопрос о хождении брактеатов как самостоятельной денежной единицы. На наш взгляд, таковой они могли быть лишь в каких-то кризисных ситуациях, когда ощущался дефицит драгоценного металла, или они могли обращаться на территориях, не имевших собственного чекана.

В некоторых случаях можно говорить о вторичном использовании брактеатов в качестве украшений. В частности, на нашем брактеате пробито 3 асимметрично расположенных отверстия, служивших, вероятнее всего, для нашивки на одежду. На большинстве индикаций из аланского могильника также имеется по два отверстия по краям¹⁶.

Быть может, традиция нашивки отдельных металлических бляшек и брактеатов позднее трансформировалась в орнаментальный узор на ткани, так называемый «сасанидский» узор, имевший широкое распространение в Иране, Византии, Средней Азии и дошедший даже до Китая. Но в «сасанидском» узоре, представляющем собой систему из смыкающихся между собой кругов из крупных перлов, редко встречается изображение человека (только на росписи Балалыктепа); чаще пространство внутри круга заполнено сложным орнаментом. Интересно, что ткань с орнаментом из перлов использовалась и как украшение — на одежду из простой ткани нашивались мелкие кусочки ее с одним или несколькими перлами¹⁷.

Разумеется, наши соображения не претендуют на полное и окончательное решение возникших вопросов. Расширение работ по данной пока малоисследованной теме безусловно прольет дополнительный свет на эту проблему.

С. Р. Баратов, Л. С. Баратова

¹⁶ Ртвеладзе Э. В., Рунич А. П. Новые находки византийских монет... С. 153—154.

¹⁷ Беленицкий А. М. и др. Средневековый город... С. 96.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ ВУЗОВ

ИЗ ПРАКТИКИ ЭТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ БУДУЩИХ ВРАЧЕЙ В АНДИЖАНСКОМ ГОСМЕДИНИНСТИТУТЕ

Выработанная КПСС стратегия перестройки предполагает всемерное повышение роли человеческого фактора, в частности — подготовки и воспитания высококвалифицированных, политически и нравственно зрелых специалистов. Актуальные задачи встают в этой связи и перед педагогическими коллективами медицинских вузов нашей республики. Стремясь всемерно повысить уровень и эффективность учебно-воспитательного процесса, они уделяют особое место внеучебной работе, учитывая, что внеаудиторное время тратит в себе широкие воспитательные возможности, в том числе в плане профессионально-этической подготовки будущего врача.

С первых же дней пребывания в вузе студенты начинают приобщаться к знанию различных вопросов врачебной этики. Так, преподаватели АндГосМИ ведут со студентами беседы о лучших врачах города, района, республики, об общественной значимости, гуманности труда врача, его этической, нравственной стороне. Среди второкурсников проводятся серии этических бесед, которые строятся так, чтобы вовлекать самих студентов в решение поставленных проблем. Материалом для бесед служат конкретные факты из жизни группы, курса, факультета, а также сведения из жизни и деятельности видных представителей медицинской науки. Тема беседы объявляется заранее. К беседе готовится вся группа. Студентам предлагаются также темы, как: «Человек украшает место, а не место человека», «Долг и подвиг», «Что такое честь врача» и др. К каждой теме указывались вопросы, к которым студенты заранее готовились. Например, по теме: «Ваш идеал человека» ставились вопросы: Какие качества Вы выше всего цените в человеке? Есть ли разница между идеалом человека и идеальным человеком? Что значит следовать своему идеалу? Чем определяется внутренняя красота человека? Как Вы понимаете слова А. П. Чехова: «В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и душа, и мысли». Объясните значение выражения: «Тело без души есть труп». Какие качества, по Вашему мнению, должны быть присущи врачу? По теме: «Долг и подвиг» предлагались вопросы: В чем разница между долгом и подвигом? Как связаны долг и самоотверженность? Как Вы понимаете слова А. М. Горького: «В жизни всегда есть место подвигу»? Приведите

примеры подвигов врачей, известные Вам из жизни. Совершает ли подвиг человек, чья повседневная работа связана с риском и опасностью? Всякий ли человек способен сделать свою жизнь полезной в любых условиях? Как Вы понимаете слова Ф. Энгельса: «Подвиг — вершина жизни»?

Многие беседы на этические темы проходили живо и интересно, оказывая на студентов эмоциональное воздействие. При этом преподаватели стремились к тому, чтобы будущие врачи, участвуя в этических беседах, не только получали знания о нормах коммунистической морали, но и формировали свои нравственные убеждения, вырабатывали у себя навыки и привычки поведения, необходимые врачу в его повседневной деятельности.

В целях формирования гуманного отношения к людям преподаватели посылали студентов к заболевшему товарищу, наблюдая за формами оказания ими помощи больному, направляли ее в нужное русло. И мы убеждались в том, что этические беседы, дают нужный эффект, если результаты их закрепляются конкретными делами.

На старших курсах систематически проводятся лекции по вопросам профессиональной этики врача с изложением ее основных проблем. Их тематика и содержание включают теоретические и практические вопросы врачебной этики, проблемы взаимоотношений медработников в коллективе, а также в системе: врач — больной и его родственники; вопросы врачебного такта, формы его проявления, этикет врача, моральные и правовые стороны его деятельности, этика врачебной тайны и др.

Профессиональная этика включает немало вопросов, которые часто вводят студентов в затруднения. Учитывая это, в АндГосМИИ систематически проводятся диспуты на темы: «Каждый ли может стать врачом?» (1-й курс); «Какие врачи нужны сейчас нашей стране?» (2-й курс); «Что важнее: быть хорошим врачом или хорошим человеком?» (3-й курс); «Интеллигентный человек. каков он?» (4-й курс); «Легко ли стать врачом?» (5-й курс).

Интересно прошел, например, диспут по роману народного писателя Узбекистана М. Шеввердина «Джейхун». Большое внимание было уделено формам его организации и проведения. Прежде всего было организовано широкое ознакомление студентов с содержанием этого произведения, составлены план проведения диспута и вопросник, налажена переписка с автором романа, соответствующе оформлен зал, подготовлены участники выступлений, итоги диспута подводились путем анкетирования и проведения интервью с его участниками. Диспут прошел увлекательно. Интерес к роману был вызван краеведческой направленностью его содержания. У студентов была возможность глубоко проанализировать нравственную сторону деятельности «доктора Ивана», который жил и работал в их родном Туркестане, раскрыть его героический подвиг, высказать свою точку зрения о моральной стороне врачебной деятельности.

В ходе диспута мы имели возможность выявить взгляды студентов на этическую сторону труда врача, их способность отстаивать свои убеждения. На вопрос: «Понравился ли Вам сегодняшний диспут?» — участники его отвечали: «Диспут интересен. Тема романа нашего народного узбекского писателя Михаила Шеввердина связана с нашей будущей профессией. Рассматривается злободневная проблема: врач — общество, социальная роль врача»; «Вопросы романа актуальны и сейчас. Это: поехать ли работать в кишлак после окончания вуза, каким врачом ты должен стать, с какими трудностями можешь встретиться и др.»; «Главная фигура романа — доктор Иван Петрович, наделенный чистотой души, сердечностью, добротой к людям. Это пример для нас, будущих врачей»; и др.

Анализируя анкетные данные, мы еще раз убедились в том, что диспуты содействуют формированию нравственного облика врача, становлению норм врачебной этики.

Большое значение придается коллективному просмотру студентами фильмов о врачах. К сожалению, экран их почти не выпускает. Массовый опрос студентов показал, что потребность в просмотре таких фильмов большая. На вопрос: «Назовите фильмы о врачах, которые Вы видели в последнее время?» — мы получили ответы, показывающие, что студенты практически почти не видят таких фильмов. Они проявили интерес к просмотру фильмов: «Переворот по инструкции» (Узбекфильм) — о работе советского врача Халимы Атаджановой в Афганистане; «Тайны тибетской медицины» (Свердловскфильм) — о работе бурята Г. Цибикова и его роли в раскрытии тайн тибетской медицины; «12 часов надежды» (Литовфильм) — о девочке Росе, которой хирурги в течение 12 часов восстановили ноги; «И жизнь, и слезы, и любовь» (Мосфильм) — о враче Варваре Дмитриевне; «Скальпель и фрески хирурга» (Ленфильм) — о хирургах.

В формировании этики будущих врачей значительное место занимает и кружковая работа. Так, одно кружковое занятие мы посвятили облику В. И. Ленина в творчестве узбекских писателей. Проводилось оно в торжественно и красочно оформленном Ленинском уголке. Занятие кружка открыл староста словами о бессмертии великого Ленина. Далее выступили члены кружка, отметившие, что «Образ Ленина запечатлен во всех литературных жанрах»; «Облик великого Ленина отражен в произведениях великого писателя А. М. Горького, в творчестве В. М. Маяковского, С. Есенина, А. Толстого и др.»; «Образу великого человека посвящено творчество узбекского поэта Г. Гуляма. Его книга «Ленин и Восток» показывает роль

личности вождя в жизни народов Востока»; «Великий Хамза показал любовь народа к вождю» и т. д. Студентами было зачитано много стихотворений (в том числе узбекских поэтов) о В. И. Ленине.

Будущие врачи говорили: «В стихах узбекских поэтов показаны genialность, простота, скромность вождя»; «Меня поражает его человечность, любовь к людям»; «В Ленине надо выделить такие черты характера, как дисциплинированность, огромная работоспособность, сила воли, уважение к людям труда, любовь к товарищам, умение внимательно выслушать человека и помочь ему. Эти черты характера мы должны вырабатывать в себе сами»; «Ленин был очень внимателен к нуждам людей». Заседание кружка закончилось просмотром фильма о Ленине.

Таких фактов можно привести немало. Они наглядно характеризуют направления, методы, способы и средства формирования нравственно-этических качеств будущих врачей. Все это способствует углублению и расширению теоретических знаний студентов, выработке у них таких качеств, как общение с окружающими, умение вести себя в обществе, быть внимательным к людям, готовым помочь им в беде, воспитывает у будущих медиков чувства сострадания, душевность, милосердие, доброту и иные человеческие качества, без которых не может быть настоящего врача.

С. И. Якубова

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

«РАШАХОТ 'АЙН АЛ-ХАЙАТ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ МАВЕРАННАХРА XV ВЕКА

Общезвестно значение изучения агиографических сочинений как одного из важных исторических источников, разумеется, при особо критическом к ним отношении. К их материалам надо подходить весьма осторожно, чтобы не впасть в идеализацию отдельных представителей духовенства. Но изучать такие труды необходимо. Касаясь этой проблемы, Б. А. Ахмедов писал: «До последнего времени о биографических сочинениях средневековых авторов (антологии поэтов и писателей и жизнеописания крупнейших духовных особ) существовало несколько превратное суждение. Например, антологии (тазкире) многие исследователи относили к источникам сугубо по истории литературы, а жизнеописания так называемых «святых» отцов (манакиб) рассматривали как сочинения богословские, исходя из того, что в них, как правило, повествуется о жизни и деяниях крупных шейхов и улемов. Это так. Религиозно-нравственная проповедь в них переплетается с историко-бытовым повествованием. Однако внимательное изучение показало, что они содержат и ценнейший фактический материал..., который отсутствует в нарративных источниках»¹.

Одним из известных агиографических сочинений является трактат Фахриддина 'Али б. Хусайна ал-Ва'иза ал-Кашифи, известного под именем ас-Сафи (ум. в 939/1532 г.) — «Рашахот 'айн ал-хайат» («Капли источника жизни»). Это один из наиболее емких и всеобъемлющих трактатов, освещающих религиозно-политическую жизнь Мавераннахра XIV—XV вв. Книга содержит биографии и поучения суфийских шейхов, среди которых главное место отводится биографии Ходжа Ахрара. Автор приводит имена 94 шейхов, их жизнеописания и характеристики, доводит их «цепочку» (силсила) до Ходжа Ахрара, предоставляя исследователям обширный материал по жизни и деятельности последнего. Но главное для нас состоит в том, что в сочинении ас-Сафи имеются ценные сведения по истории, культуре, философии, экономике Мавераннахра XV в.

Следует отметить, что сочинение ас-Сафи привлекало внимание многих ученых, которые использовали его материалы в своих трудах и исследованиях. Это — В. Л. Вяткин, В. В. Бартольд, А. Ю. Якубовский, П. П. Иванов, Я. Г. Гулямов, Р. Н. Набиев, Р. Г. Мукминова, О. Д. Чехович, Б. А. Ахмедов, С. А. Азимджанова, А. Н. Болдырев и многие другие. Использован труд ас-Сафи и в ряде исследований зарубежных ученых, как Дж. С. Тримингэм, М. Моле, Х. Алгар, Ю. Пауль и др.

Тем не менее до настоящего времени в советской исторической науке специальной работы по исследованию «Рашахот» не имеется². Мы попытаемся отчасти восполнить этот пробел.

'Али ас-Сафи был родом из семьи профессиональных проповедников-ваизов. Происхождение, родственные связи, вся деятельность ас-Сафи ставят его в ряд видных представителей гератской литературной среды. Он приходился свояком А. Джамии. Ему уделял внимание и тепло отзывался о его ранних поэтических опы-

¹ Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVIII вв. (Письменные памятники). Ташкент, 1985. С. 5—6.

² Среди зарубежных исследований данной проблеме посвящена небольшая статья Х. Беверидж: Beveridge H. The Rashahat-i-'Ainal-Hayat (Tricklings from the fountain of life)//IRAS, L., 1916.

гал А. главой. Ас-Сафи покровительствовал известным деятелям тимуридского времени эмир Низаматдин Шайх Ахмад Сухайли (ум. в 918/1512—1513 г.), который происходил из тюркской военной элиты и находился в окружении Тимура, Шахруха, был приближенным (мукараб) Хусайна Байкара. Близкий друг А. Навои, Шайх Ахмад Сухайли был поэтом, одинаково хорошо писавшим как на персидском, так и на тюркском языках³.

Известным писателем был отец ас-Сафи — Маулано Хусайн б. Али ал-Ва'из ал-Кашифи (ум. в 910/1505 г.). Его перу принадлежат многие труды по теологии, например «Тухфат ас-салават» («Подарок славословий») — один из его трактатов, посвященный религиозным наставлениям⁴. В конце книги имеется хронограмма, выполненная сыном автора — самим ас-Сафи. Маулано Хусайн ал-Кашифи увлекался и литературой. Он — автор рафинированно утонченной переработки широко известной «Калилы и Димны» — «Созвездие Канопы».

Али ас-Сафи получил прекрасное для своего времени образование. Имеющиеся в нашем распоряжении данные характеризуют его как интересную и яркую личность. Он получил известность и как ученый, и как литератор, и как признанный теолог своего времени, и как переписчик рукописей. На многих дошедших до нас рукописях содержатся пометки, следы изучения, оставленные ас-Сафи. Подобного рода надписи, сделанные скорописным настиком, имеются, в частности, на одном из средневековых трактатов, который служил пособием для фундаментального изучения ас-Сафи арабского языка. Речь идет о рукописи XIV в., принадлежавшей перу Абу Джа'фара ал-Маккари ал-Бейхаки (ум. в 544/1149 г.) «Тадж ал-масадир» («Венец масдаров») — это словарь арабских отглагольных существительных, объясненных по-персидски.

Опрямое наследие оставил ас-Сафи как переписчик. Им переписан, например, трактат «Инша' уд-давайр ва ал-джадвайл» («Изображение кругов и таблиц») — это труд знаменитейшего арабского философа и мистика Ибн ал-Араби, полное имя которого — Мухиддин Абу Али Мухаммад б. Абдулла б. Мухаммад ал-Араби ал-Хашими ат-Та'и ал-Андалуси (ум. в 638/1240 г.). В работе изложены взгляды автора по основным вопросам метафизики. Али ас-Сафи переписал данный самый труд на арабском языке и проверил выполненную работу — на полях рукописи имеются его поправки.

Деятельность ас-Сафи показывает его тесную связь с передовыми людьми своего времени. Это, в первую очередь, Абдуррахман Джами и круг его последователей и учеников. Ас-Сафи переписал комментарий на арабском языке А. Джами к произведению Ибн ал-Араби «Драгоценные камни мудрости». Следует отметить, что существует много комментариев и объяснений этого мистико-философского труда, повествующего, со свойственной автору напыщенностью слога, в 27 главах о 27 признанных в исламе пророках и о проявлении разных атрибутов божества в отдельных пророках. Так, имеется комментарий к «Драгоценным камням мудрости» Йусуфа Хамадани (ум. в 535/1141 г.) — одного из известнейших хальфа братства Накшбандийа⁵.

Абдуррахман Джами закончил этот комментарий в 896/1490 г. Список ас-Сафи выполнен с автографа Джами и сверен с ним, о чем свидетельствуют сделанные на полях рукой переписчика исправления. В СВР АН УзССР при описании данного экземпляра отмечается: «Очевидно, унаследовав от своего учителя Джами собственное ему бережное отношение к тексту и недоверие к переписчикам, переписчик (ас-Сафи. — Э. К.), как явствует из концовки (л. 269а), сличил свой список и со списком другого ученика Джами, Абдулгафура ал-Лари (ум. в 912/1506 г.)»⁶. В рукописном фонде ИВ АН УзССР имеются и «Рубаи Джами», тоже переписанные ас-Сафи с автографа⁷.

Известны также некоторые труды ас-Сафи, посвященные теории и практике суфизма. В их числе — трактат «Харз ул-аман мин фитни з-заман» («Талисман безопасности против превратности времени») — в нем говорится о магическом значении букв «ильму хуруф» и составляемых из них слов, из которых, в свою очередь, якобы вытекает целое учение о составлении разных талисманов, чудодейственных молитвенных обращений и т. п.

Перу ас-Сафи принадлежит и другой трактат — «Адабу-ль-асхаб» («Этикет господ») — где изложены нормы поведения и общения среди суфиев, начиная от

³ Maria Eva Subtelny. Socioeconomic bases of cultural patronage under the later Timurids//Int. J. Middle East Stud. 20 (1988). Cambridge University Press, 1986. P. 492.

⁴ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 21:16//II, 2572/XXX.

⁵ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 2018.

⁶ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 520/I.

⁷ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 520/IV.

⁸ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 480/II.

⁹ СВР АН УзССР. Т. III. Ташкент, 1955. С. 199.

¹⁰ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 520/II.

¹¹ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 2795/I, 3060/I.

¹² Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 11284/III.

приветствий и кончая общими регламентирующими порядками, и их символическая интерпретация.

Али ас-Сафи — автор одной из интереснейших книг своего времени — «Тонкие слова людей разных категорий или остроумные рассказы из жизни разных классов людей»¹³. Это собрание остроумных изречений людей самых различных социальных категорий, словес, сословий. Здесь фигурируют пророки и имамы, эмиры и визири, ученые и поэты, философы и судьи. Среди героев ас-Сафи есть именитые мужи, простодушные люди, доверчивые дети. Имеются рассказы, где главными действующими лицами выступают рабы, нищие и др. Этот труд получил широкое распространение и пользовался большой популярностью. В XIX в. хорезмский поэт Пахлавон Нийазмирза-баши, сын Абдалла Ахунда Хорезми, известный под псевдонимом «Камил» (ум. в 1315/1898 г.), перевел в Хиве это произведение на узбекский язык¹⁴.

Уже в наше время эта книга переведена на русский язык и вышла под названием «Занимательные рассказы о разных людях»¹⁵.

Это произведение, свидетельствующее о литературном таланте ас-Сафи, сыграло большую роль в становлении его как ваза-профессионала.

Али ас-Сафи, его отец, другие духовные деятели того времени, очевидно, хорошо понимали, что проповедь божественных истин и предписаний — дело сложное и во многом непонятное основной читательской массе. Религиозные догмы следовало облечь в яркие, доходчивые слова, расцветить их притчами и легендами, занимательными рассказами и поучительными историями. Отдельные средневековые авторы блестяще справлялись с этой задачей. Возможно, поэтому их произведения оказывают сильное воздействие на читателя, захватывают и увлекают его.

С учетом всего сказанного перейдем к характеристике, пожалуй, наиболее интересного религиозного трактата ас-Сафи — «Рашахот 'айн ал-хайат». Это произведение принесло автору большую популярность в различных общественных кругах Мавераннахра, свидетельством чему являются многочисленные списки «Рашахот»¹⁶, неоднократные литографированные издания, выполненные в Лакхнау¹⁷, Каунопуре¹⁸, Ташкенте¹⁹. Написанное на персидском языке сочинение неоднократно переводилось. Имеются переводы «Рашахот» на арабский язык, сделанные в Египте в 1852 г. и в Мекке в 1889 г., а также на тюркский — в Казани в 1888 г. Существует и анонимный перевод «Рашахот» на узбекский язык. На этом списке указано имя переписчика — Мулла Худайберган б. Бек-Мухаммад — и дата — 1297/1880 г.²⁰ Нами здесь использована индийская литография «Рашахот»²¹.

Какова же структура трактата ас-Сафи? В начале автор дает масневи, посвященное Ходжа Ахрару и восхваляющее его совершенство и духовную силу²². Далее ас-Сафи излагает краткие сведения о своем труде. Он сообщает, что трактат основан на данных, полученных непосредственно от Ходжа Ахрара при их встречах и беседах, а также из книг, посвященных ему и тарикату Накшбандийа в целом²³. Ас-Сафи дважды приезжал в Самарканд и встречался с Ходжа Ахраром в декабре 1484 г. и в марте 1488 г. Многие рассказы и поучения ас-Сафи, по его словам, слышал от Ходжа Ахрара и после бесед записывал их. Но лишь через 16 лет, как указывает сам автор²⁴, он решил собрать их воедино. Далее ас-Сафи излагает основные части своей книги.

«Рашахот» состоит из введения — макале, трех глав — максад (цель), и заключения — хотеме. Каждый максад состоит из трех разделов — фасл²⁵.

В макале упоминается школа ходжагон и даются силсила — духовная цепочка шейхов Накшбандийа, их жизнеописания и краткие характеристики. В 1-м максаде упоминается об истории рождения и детстве Ходжа Ахрара, его пути к вере, его

¹³ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 342, 4530, 3636/1, 343/II и др.

¹⁴ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1237, 7404.

¹⁵ Али Сафи. Занимательные рассказы о разных людях/Пер., предисл. и примеч. М. Занда. М., 1966.

¹⁶ См.: ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1788, 2155/II, 1908, 502/VIII, 2487, 1498/III, 396 и др.

¹⁷ Фахриддин Али ал-Кашифи ас-Сафи. Рашахот 'айн ал-хайат: Литография. Лакхнау, 1890, 1897, 1905.

¹⁸ Фахриддин Али ал-Кашифи ас-Сафи. Рашахот 'айн ал-хайат: Литография. Каунопур, 1911, 1912.

¹⁹ Фахриддин Али ал-Кашифи ас-Сафи. Рашахот 'айн ал-хайат: Литография. Ташкент, 1911.

²⁰ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 632.

²¹ Фахриддин Али ал-Кашифи ас-Сафи. Рашахот 'айн ал-хайат: Литография. Лакхнау, 1905 (далее — Рашахот).

²² Рашахот. С. 2.

²³ Там же. С. 3.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 4.

путешествиях и встречах с «шейхами времени». Во 2-м максаде излагаются истории, рассказы, притчи, поучения, услышанные автором от ишана. В 3-м максаде описываются некоторые удивительные события, «мистические» подвиги, связанные с Ходжа Ахраром. В хотема говорится о кончине ишана²⁶.

«Рашахот» не только дает исследователям массу материала по истории философской и религиозной мысли Среднего Востока и Средней Азии XIV—XV вв., но и является важным источником фактических сведений. Они позволяют уточнить местоположение, отдельных населенных пунктов, информируют об административном делении, в частности о размерах и различиях определенных населенных пунктов — «касаба», «дех» и т. д.

При упоминании имен отдельных представителей братства можно выявить сведения о ремесленных специальностях, а также о социальном составе представителей тариката. Например, шейх Эмир Кулал — кулал, т. е. керамист, горшечник²⁷. Объясняя происхождение имени Абдуллы Бараки, ученика Абу Йусуфа Хамадани, автор «Рашахот» сообщает, что Абдулла был сыном крупного скотовода (гусфандор), занимался продажей ягнят (баррэ), а потому его звали ходжа Абдулла Бараки²⁸. О ходже Мухаммаде Бобо говорится, что он был охотником, чем и кормился²⁹. Еще один представитель тариката — Ариф Диггарони происходил из деха (селение, деревня), в котором производились ремесленные изделия — котлы, горшки, чугунки и проч.³⁰

В «Рашахот» можно обнаружить сведения об одежде того времени: чекман-э 'уди — чекмень (род верхнего платья) цвета алоевого дерева³¹, кабо³² — верхняя одежда, надеваемая на рубашку, могла быть парчевой и хлопчатобумажной³³ и т. д.

Ас-Сафи доносит до нас много сведений о социально-экономическом положении страны, о житейских трудностях людей. Вот показательный эпизод о столкновении из-за дележа воды. В нем идет речь о том, как какой-то дихкан заподозрил Низамуддина Хамуша, учителя Сааддина Кашгари, в том, что тот отвел его воду. Дихкан ударил и столкнул Хамуша в канал, но сам якобы тут же умер из-за несправедливого поступка³⁴.

Большого внимания заслуживают сведения «Рашахот» об общественно-политических событиях в Мавераннахре XV в. Это сообщения о поддержке духовенством Шахруха в его борьбе с Халил-Султаном за самаркандский престол³⁵, многочисленные свидетельства о плохих взаимоотношениях известных религиозных деятелей с Улугбеком — конфликт с Мухаммадом Парса³⁶, жестокое унижение и оскорбление Низамуддина Хамуша³⁷; насильственное назначение бухарского шейха Хусамуддина Шаши казем Бухары³⁸ и т. п.

Особо следует отметить описание в «Рашахот» военно-политических событий, феодальных междоусобиц, которыми была так богата вторая половина XV в.: борьба за престол и захват Самарканда Абу Са'идом³⁹; оборона Самарканда в 1454 г.⁴⁰; организация обороны Самарканда в 1470 г.⁴¹; заключение мира у Шахрухи между Султан Ахмадом, Умар Шайхом и Султан Махмудом⁴¹ и многие другие события, происходившие в тот период в Мавераннахре.

Таким образом, «Рашахот 'айн ал-хайат» ас-Сафи, несмотря на свой агнографический характер, содержит много ценной, конкретной информации, что наглядно подтверждает значимость глубокого изучения подобных сочинений нашими историками, философами, филологами и др.

Э. Э. Каримов

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 42.

²⁸ Там же. С. 7.

²⁹ Там же. С. 42.

³⁰ Там же. С. 48.

³¹ Там же. С. 45.

³² Там же. С. 225.

³³ Мукминова Р. Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI веке. Ташкент, 1976. С. 126—127.

³⁴ Рашахот. С. 112.

³⁵ Там же. С. 61—62.

³⁶ Там же. С. 60.

³⁷ Там же. С. 111—112.

³⁸ Там же. С. 46.

³⁹ Там же. С. 289 и след.

⁴⁰ Там же. С. 290 и след.

⁴¹ Там же. С. 293 и след.

⁴² Там же. С. 296 и след.

ИСТОРИОГРАФИЯ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ НАРОДНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ 1920 ГОДА В ХОРЕЗМЕ И БУХАРЕ

Сегодня никто не вправе отрицать значительного влияния перестроечных процессов на массовое историческое сознание общества. Мы являемся свидетелями революционного обновления духовного бытия нашего народа, ибо восстанавливается его история, на глазах меняется его социальная память. На крутых поворотах истории интерес к прошлому обычно усиливается, небывалые масштабы приобрел этот интерес и сегодня.

Оздание правдивой и объективной картины сложного и противоречивого развития нашего общества от Октября к эпохе перестройки только начинается. Процесс переосмысления пройденного пути идет и на материале истории Узбекистана, Средней Азии в целом.

Известно, что народы Туркестана, Бухары и Хорезма были первыми, кому история предоставила возможность использовать возникшие в результате Великого Октября благоприятные условия для скачка от феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Они использовали эту возможность и одновременно с другими народами нашей страны пришли к социализму. Но тут же возникают вопросы, задаваемые исторической науке периодом перестройки: к какому социализму они пришли? Какой социализм мы построили? Из одних ли достижений и побед соткан был путь некапиталистического развития среднеазиатских народов или были на этом пути потери и ошибки? Эти вопросы требуют своего ответа.

В проблематике «Октябрь в Средней Азии» особо выделяется тема народных советских революций 1920 г. в Хорезме и Бухаре. ХНСР и БНСР, созданные на обломках монархического строя, были своеобразными государственными образованиями переходного типа, призванными решать задачу ликвидации дорбуржуазных отношений в социально-экономической и политической структуре общества, подготовки соответствующих условий для вступления их народов на социалистический путь развития, минуя капитализм. История этих республик дает поэтому богатый и благодатный материал для выявления конкретных форм начальных этапов некапиталистического развития отсталых крестьянских стран к социализму.

Народные советские революции 1920 г. явились самым значительным событием политической истории Средней Азии в период от Октября до национально-государственного размежевания. Идя непроторенным путем, наощупь, они сразу приступили к коренной ломке старого строя, к осуществлению политических, экономических и культурных преобразований с ориентацией на социалистическую перспективу.

Почти шесть десятилетий насчитывает советская историография Хорезмской и Бухарской народных революций. Историческая мысль, хотя и медленно, с трудом подступалась к теме, но в целом верно оценила характер происходивших в Хиве и Бухаре социальных перемен. Наше время предъявляет этой историографии новые требования, выдвигает сложную задачу проникновения в самую суть процессов, доселе невиданных в тысячелетней истории Бухары и Хорезма. Прежде чем говорить о некоторых важных аспектах новейшей историографии темы, окинем общим взором ее предшествующий путь развития. Это тем более важно, что путь этот изобиловал взлетами и падениями, зигзагами и поворотами.

Освещение вопросов истории революций в Бухаре и Хиве началось сразу же после победоносных народных восстаний. Первые шаги исследований совпали по времени с поступью самой революции и в силу тогдашних условий были отмечены небольшими статьями и брошюрами. Из ранних работ привлекают внимание статьи А. Машкицкого, В. Юдовского, Г. Скалова. У истоков историографии народных революций стояли их активные участники и руководители — Ф. Ходжаев, Г. Скалов, С. Айни.

В силу условий конкретно-исторического развития Бухары сентябрьская революция 1920 г. оказалась побогаче культурно-научными силами, что благотворно сказалось на развитии местной историографии — весь период 20-х годов отмечен интенсивным изучением предпосылок и хода революции в Бухаре. Особенно благоприятным оказался 1926 год, когда формирующаяся историография Бухарской революции обогатилась авторитетным свидетельством двух крупных знатоков дореволюционной действительности, активных участников освободительного движения в эмирате и строительства нового общества. В Москве и Ташкенте вышли воспоминания С. Айни и Ф. Ходжаева. Эти труды меняли привычные представления о жанре мемуаристики, содержали в себе немало элементов истинно научного подхода к описываемым событиям. И хотя затем был период, когда эти ценные работы надолго были преданы забвению и вычеркнуты из памяти народа, они на много лет вперед предвосхитили многие оценки и выводы нынешней историографии.

Десятилетие народно-демократических революций (1930 г.) молодая историография отметила двумя работами — сборником воспоминаний и брошюрой О. Гловацкого «Революция побеждает. Экономические и политические предпосылки Бу-

харской революции». В сборнике особо привлекает внимание большая статья активного участника обеих революций А. Акчурина.

Через два года, в 1932 г. вышла итоговая работа Ф. Ходжаева «К истории революции в Бухаре и национального размежевания Средней Азии», которой, собственно, и завершается первый, двенадцатилетний период изучения народных революций 1920 г. Далее, если не считать не найденной до сих пор рукописи переработанного труда Ф. Ходжаева, в историографии важной темы наступило длительное затишье, вызванное главным образом разгулом сталинских репрессий. Вплоть до середины 50-х годов мало кто отваживался братья за изучение истории джадидского движения в Бухаре и Хиве, предпосылок создания единого антимоноархического фронта в ханствах, победы и укрепления новой, революционной власти. Официального запрета на эти темы не было, но была боязнь ошибиться «роковым образом», были робость научной мысли, предвзятость, нежелание вдаваться в глубокое изучение сложных явлений. Стремление подогнать факты и события под заранее заготовленные схемы и формулировки серьезно обеднило историографию, больше того, оно отбросило ее назад, лишив веры в уже достигнутое, выстраданное.

Одним из первых оживил в конце 40 — начале 50-х годов интерес к изучению наметившейся проблематике А. И. Ишанов. В его трудах, а также в работах Я. Шаралова, К. Мухаммедбердыева и др. заметно расширен круг изучаемых вопросов, вовлечено в научный оборот много новых фактов и сведений. Вместе с тем эти работы были отмечены печатью прошлого, изложенная в них научная мысль была зажата тисками замшелых догм. По-прежнему поносились в этих трудах младобухарцы и младохивинцы, односторонне рисовалась картина сложных взаимоотношений между представителями различных слоев и группировок, «презренными врагами» народа и революции назывались Ф. Ходжаев и его окружение. Даже хрущевская «оттепель» не повлияла благотворно на местную историографию.

Положение несколько меняется с середины 60-х годов, когда исследователи стали глубже вникать в революционную ситуацию в Хиве и Бухаре, привлекая для анализа новый массив фактического материала. Впервые после длительного перерыва стало возможно говорить о роли и участии представителей мелкой и средней буржуазии и интеллигенции ханств в освободительном движении, возвращено доброе имя многим жертвам репрессий. Необходимо отметить настойчивый научный поиск А. И. Ишанова, сумевшего признать и преодолеть свои односторонние оценки и взгляды на ряд важных вопросов истории революции в Бухаре. Благодаря его неутомимым исследованиям, а также трудам Г. Непесова, Х. Ш. Иноятова, Х. Т. Турсунова, Н. Каландарова, А. В. Макашова, Т. Тухтаметова и др. стала значительно проясняться картина предреволюционной обстановки в Бухаре и Хиве, определены закономерности и особенности вступления хивинских и бухарских трудящихся на некапиталистический путь развития, пролит свет на ряд малоизученных сторон истории ХНЮР и БНЮР.

Период 70 — первой половины 80-х годов был временем, когда интенсивно изучались история возникновения и развития коммунистического движения в Бухаре и Хиве, политические, экономические и культурные преобразования в народных республиках, гражданская война в них, их взаимоотношения с РСФСР. Не чурались ученые и теоретических аспектов проблемы. Наиболее заметны здесь усилия С. Зиманова, А. И. Ишанова, Х. Т. Турсунова, сделавших ряд верных обобщений о закономерностях слияния разнородных антимоноархических потоков в революции 1920 г., характере установившейся в бывших деспотичных власти, направленности политических и социально-экономических преобразований, осуществленных на разных этапах развития республик.

За последние десятилетия подготовлено большое количество диссертационных работ, в которых нашли освещение различные вопросы истории Бухары и Хорезма в первой четверти XX в. Значительное число статей и брошюр посвящено 50- и 60-летию народных советских республик, которые широко отмечались в Бухаре, Ургенче, Ташкенте. Появились сборники воспоминаний, архивных документов. Обогатились музейные экспозиции, отражающие историю установления и укрепления Советской власти в этих районах. На исторических факультетах местных вузов стали читаться спецкурсы по истории народных революций. Налицо, казалось бы, повышение уровня исторического образования масс по важнейшему компоненту общей проблемы «Октябрь в Средней Азии», и все же необходимо воздержаться от соблазна считать, что поле изучения истории народных революций 1920 г. достаточно распахано. Это тем более верно, если учесть те перемены, которые происходят в нашем историческом мышлении.

В условиях перестройки, в свете современных требований можно даже говорить о «замирании» в научно-исследовательской работе по данной проблематике, о наличии в ней некоего «вакуума». Историки как бы выжидают, пытаются определить на примере смежных тем «дозу гласности» применительно к своей теме. Сейчас, когда всюду говорят об искажении нашего прошлого, о бесчисленных «белых пятнах», наступило какое-то замешательство, известная растерянность — как быть дальше? как опровергнуть уже известное, устоявшееся? К сожалению, ответ на эти и подобные вопросы затягивается. В силу специфики исторического познания, нашей приверженности к долговому оформлению результатов научного поиска никто не ожи-

даёт, разумеется, ежегодного выпуска ряда крупных монографий или коллективных трудов, но ведь нет и попытки хотя бы в исследовательской статье определить круг новых задач! Это в полной мере относится и к проблематике народных революций 1920 г. За годы перестройки историки еще не приступили к накоплению того научно-информационного материала о Хорезмской и Бухарской революциях, на котором можно строить оригинальные выводы и обобщения.

Между тем целый ряд вопросов, связанных, например, с возникновением оппозиционного движения в ханствах, остается малоизученным. Деятельность джадидов в годы, предшествовавшие оформлению коммунистических организаций, достаточно не освещена и не оценена. Историкам следовало бы отразить в своих трудах ту значительную роль, которую сыграли джадиды в начальный период освободительной борьбы в Бухаре и Хиве. Там джадидизм многими чертами отличался от джадидизма туркестанского. В ханстве нарождавшиеся буржуазные элементы в своей практической политике на начальных этапах антимонархической и антиимпериалистической борьбы были более радикальны, чем национальная буржуазия Туркестана.

Критика существующего строя, требование реформ в экономике, государственном управлении, культуре представляют в условиях феодальной тирании явление прогрессивного характера. В одной из историографических работ по Бухарской революции еще в 60-х годах была сформулирована задача — подготовить специальный труд «История младобухарского движения». Но она остается еще нереализованной. Нет надобности доказывать актуальность трудов под таким, примерно, названием: «Джадиды перед лицом истории».

Ученым следует более детально рассмотреть деятельность политических партий накануне решающего штурма старого строя. При этом важно, не преувеличивая в угоду старым схемам и догмам степень революционизирования дехканских масс, ремесленников, немногочисленных рабочих, показать нарастание революционной ситуации в ханстве. Многие еще предстоит сделать и в освещении победы народной Советской власти на окраинах ханств — в пустынной зоне Хивы, горных районах Восточной Бухары.

Все еще отсутствуют конкретные исследования по истории местного крестьянства, городских ремесленников, интеллигенции — основных движущих сил народно-советской революции. Перед историками и правоведами стоит и задача полнее осветить формирование социально-классовой структуры нового, Советского государства в Бухаре и Хорезме, достижение возможно большего соответствия деятельности аппарата народно-демократического государства целям некапиталистического развития.

В связи с этим встает вопрос о характере народных революций. Наиболее полно охватывают его в своих трудах А. Ишанов и С. Зиманов, которые характеризуют новую власть в Бухаре и Хорезме как революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства с ясно выраженной социалистической ориентацией. Что касается ориентации, то подмечено верно, но как быть с диктатурой пролетариата и крестьянства, когда в республиках не сформировалось даже слоя (не говоря уже о классе) рабочих?

Выше отмечалась необходимость определения, на основе глубокого изучения источников, степени участия народных масс в советских переворотах в ханствах. Это напрямую связано с определением роли Красной Армии в ликвидации монархических правительств и характера установившейся новой власти. Историография темы накопила достаточно фактов, свидетельствующих о том, что Красная Армия в лице пришедших на помощь бухарским и хивинским революционерам войск Туркестанского фронта сыграла решающую роль в утверждении здесь Советской власти. В плане советизации Бухарский эмир и Хивинское ханство, эти неотъемлемые части Средней Азии, в центре которой — Туркестане — установилась Советская власть, не должны были, видимо, составлять какого-то исключения для такого поборника «казарменного коммунизма», как Троцкий. И дальнейшее существование народно-советских республик в значительной мере зависело от военно-политической поддержки со стороны РСФСР. Частично этим немаловажным обстоятельством, видимо, можно объяснить то, что в мемуарной литературе, например в книге Л. Разгона¹, Бухарская НСР названа суверенной в кавычках.

Документы, проливающие некоторый свет на вопрос о независимости народных республик, появлялись и раньше, но они незаметно тонули в общем потоке фактов и сведений, долженствующих показать полную самостоятельность и суверенность молодых советских государств. Так, в первом томе изданных в 1970 г. «Избранных трудов» Ф. Ходжаева публикуется его письмо на имя М. П. Томского, председателя комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана. Вкратце оценивая внутрипартийную борьбу в республике, Ф. Ходжаев писал: «Позволю себе смело выразить Вам, что если по вышеприведенным или по каким-либо другим причинам покажется Вам необходимым произвести какие-либо эксперименты в смысле смены

¹ Разгон Л. Непридуманное. М., 1989.

власти в Бухаре, то просим сообщить Нам заблаговременно, и мы окажем Вам услугу и передадим власть (тому), кому будет Вам угодно². Примечательное письмо. Оно приглашает исследователя к размышлению о социально-политической сущности советского переворота в отсталом среднеазиатском ханстве.

В определении социально-классовой структуры народно-советских государств, участия различных слоев населения в руководящих органах власти, особенно в начальные годы некапиталистического развития, продолжают бытовать старые положения и схемы. Так, участие национальной буржуазии, интеллигенции Бухары и Хорезма в государственном управлении в 1920—1922 гг. — факт, признаваемый всеми авторами. Но в объяснении этого факта историки медленно отходят от стереотипных фраз типа «буржуазные националисты обманном путем пробирались в руководящие органы республики». При этом не учитывается двойственность и неоднородность местной буржуазии, которая по мере развития революционных событий претерпела определенную эволюцию. До тех пор, пока ее объективные интересы совпали с прогрессивным ходом развития истории, она сохраняла свои революционные потенции. Когда же на повестку дня революции была поставлена задача осуществления ряда экономических и социальных преобразований, непосредственно затрагивающих кровные интересы буржуазии как эксплуататорского класса, национальная буржуазия Хорезма и Бухары, верная своему кошельку, пошла (за исключением некоторых выходцев из нее) на сговор с контрреволюцией.

Общезвестна роль партии коммунистов в подготовке условий для перехода народов БНСР и ХНСР к социалистическому строительству. Важность этой темы должна привлекать внимание ученых, разрабатывающих проблематику как в плане гражданской истории, так и в историко-партийном аспекте. Но к настоящему времени удельный вес такого рода литературы незначителен. Выделяется своим объемом и серьезным подходом к раскрытию темы монография Н. Каландарова по ХКП и Х. Т. Турсунова и А. В. Макашова — по БКП. Научная картина возникновения и развития коммунистического движения в этих регионах Средней Азии должна охватывать и специфику зарождения такого движения в условиях феодальной действительности, и особенности «левизны» и «курса на Октябрь» в процессе некапиталистического развития, и помощь коммунистов Советской России своим собратьям по классу в выработке правильной линии на ликвидацию эксплуататорских порядков и подготовке условий для перехода к социалистическому строительству.

Не проявляют историки должного интереса к экономической проблематике. Многие стороны хозяйственной жизни республик остаются малоисследованными. Вопрос о наличии элементов политики военного коммунизма поставлен лишь применительно к Бухарской республике; определяется степень соответствия политики народно-советского правительства содержанию нэпа. В литературе признается начало вхождения БНСР и ХНСР в экономическую систему «нэповской России», но при этом не делается различия между социально-экономическим строем этих государств.

В наше время бурного роста национального самосознания и неадекватного обострения межнациональных отношений приобретает особую актуальность проблема национальных взаимоотношений в БНСР и ХНСР. Большой интерес представляет изучение политики их правительств по отношению к туркменам в Хорезмской НСР, к таджикам и бухарским евреям — в БНСР. В республиках проживали и представители иных национальностей (русские и др.). В истории республик есть поучительные страницы, рассказывающие о совместной борьбе представителей разных национальностей за революционные преобразования. В то же время есть основания полагать, что отдельные нынешние неурядицы в межнациональных отношениях своими корнями уходят в прошлое, в частности в период существования народных республик.

В ряду малоизученных тем — стратегия и политика национального примирения в Бухарской и Хорезмской республиках. Защита завоеваний народной революции была самым трудным делом советских правительств вплоть до 1924 г. Нельзя сказать, что история пражданской войны в БНСР и ХНСР изучена недостаточно. Сдвиги в этой области налицо, но есть необходимость более детально рассмотреть политические и экономические мероприятия властей, направленные на привлечение наиболее отсталой части дехкан, сочувствовавших басмачам, на сторону Советов, выявить специфические черты политики партийных и советских органов, выработавших правильное отношение к верующим массам республики. Привлечение и умелое использование сил местной интеллигенции, преданной новому строю, а также представителей мусульманского духовенства было большим достижением молодых республик и обеспечило успех программы национального примирения. Эти сюжеты приобретают актуальное звучание в свете фактов сегодняшней истории Афганистана, где также идет сложный процесс национального примирения.

Общим недостатком новейшей литературы по истории БНСР и ХНСР является то, что в ней нередко нарушаются принципы научности и историзма. В работах почти не показаны трудности, стоявшие на пути развития молодых республик, первыми в истории человечества прокладывавших путь некапиталистического развития,

² См.: Ходжаев Ф. Избр. труды. Т. I. Ташкент, 1970. С. 420.

бо всеми ошибками, зигзагами, исканиями. Не подчеркивается значение накоплений и осмысления практического опыта для выработки правильной политики. Нельзя думать, будто эта политика сразу формировалась в готовом виде и оставалась лишь проводить ее в жизнь. В. И. Ленин в докладе ЦК партии VIII съезду РКП(б) отмечал: «Мы должны были оплошеть и рядом идти ощупью»³. Ощупью, труднейшим методом проб и ошибок прокладывали себе дорогу и трудовые массы Бухары и Хорезма. Правдивое описание всех этих трудностей нисколько не унижают, а наоборот, гораздо полнее раскрывают самоотверженность народов, которые ценой огромных усилий добились перелома в своей судьбе. Да сегодня читателя и не убедить описанием «победного шествия» масс к социализму. Нужна правда, хотя и горькая, но правда.

Глубокого изучения заслуживает и история национально-государственного размежевания республик Средней Азии. Не проявились ли уже в ходе постановления и практического решения этой задачи первые признаки зарождавшейся командно-административной системы?

Осмысление новейшей научной литературы об историческом повороте народов Бухары и Хорезма к новой жизни показывает, что история народных революций 1920 г. «богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее»⁴, чем это предполагает сегодняшняя историография. Это выдвигает перед учеными сложную задачу глубокого, всестороннего выявления, исследования и обобщения конкретных специфических методов и путей, позволивших довести первый, демократический этап революций 1920 г. «гораздо дальше самого далекого конца демократической революции»⁵ — до социалистического этапа.

Таковы некоторые исследовательские задачи, встающие перед нами при разработке рассматриваемой проблемы с учетом того нового, что вводит в наше историческое мышление время перестройки, которые становятся особенно актуальными в связи с 70-летием народных советских революций в Хорезме и Бухаре.

Ф. Х. Касымов

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 138.

⁴ Там же. Т. 41. С. 80.

⁵ Там же. Т. 11. С. 115.

НОВЫЕ КНИГИ

И. М. ХАШИМОВ, М. М. КУТИНА. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНДИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОНГРЕССА И РЕГИОНАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ИНДИИ

(Ташкент: Фан, 1988. 283 с.)

Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена анализу общих закономерностей и особенностей развития национально-освободительного движения в Индии, его идеологии на примере деятельности Индийского национального конгресса (ИНК), региональных общественных организаций в последней четверти XIX — начале XX в., когда стремление народов этой страны к национальной, территориальной и политической консолидации проявилось с большой силой.

В работе широко используются материалы из архивов Индии, официальные документы, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Опираясь на них, авторы показывают, что идеология и политика ИНК с самого начала отражали интересы как формирующейся национальной буржуазии, так и чаяния широких слоев населения, особенности социально-экономических, идеологических и религиозных отношений в стране. Впервые дается подробный и всесторонний анализ двух основных направлений национально-освободительного движения в Индии в конце XIX — начале XX в.: буржуазно-либерального («умеренного») и радикально-националистического («крайнего»), — что имеет большое значение для правильного понимания политической позиции ИНК.

Как показано в разделе, написанном И. М. Хашимовым, программы и практические действия и либералов, и радикалов носили весьма противоречивый характер и были довольно слабыми, но все же они сыграли большую роль в освободительной борьбе в Индии; движение за самоуправление стало важным этапом на пути к независимости страны.

Другой раздел исследования, автор которого — М. М. Кутина, посвящен региональным общественным организациям Индии, действовавшим на рубеже XIX—XX вв. В нем на примере идейно-политических концепций некоторых провинциальных ассоциаций (в частности, мадрасской, махараштрской, пенджабской), которые не только тесно сотрудничали с ИНК, но и активно участвовали в его создании, анализиру-

ются экономические, классовые, исторические, идейные основы становления современного регионального национализма. Автор раскрывает дуализм в политической жизни Индии, который позже привел к расколу в национально-освободительном движении и возникновению нынешних автономистских и сепаратистских течений; рассматривает ряд новых проблем, органически связанных с современностью: антибрахманское движение в Мадрасе, деятельность религиозно-реформаторского общества «Ариа самадж» и национально-революционных организаций в Пенджабе. Интересна и постановка вопроса о политизации религии, идейных расхождениях умеренно-либеральных и радикально-демократических организаций, двух тенденциях в идейно-политических течениях отдельных этнических районов. Это хорошо показано на конкретном примере развития пенджабского национального движения в начале XIX в., присущих ему внутренних противоречий.

В работе верно отмечается, что ИНК, особенно его левое крыло (националисты-демократы), и региональные общественные организации внесли значительный вклад в развитие в стране национально-освободительного движения, формирование его идеологии.

Книга рассчитана на историков, востоковедов, специалистов по международному коммунистическому и национально-освободительному движению.

Т. Гиясов

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 60-ЛЕТИЮ М. А. БАБАХОДЖАЕВА

Исполнилось 60 лет со дня рождения заведующего отделом социально-экономических проблем стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР, доктора исторических наук, профессора Марата Абдусаматовича Бабаходжаева.

М. А. Бабаходжаев родился 31 октября 1929 г. в г. Термезе (Сурхандарьинская область УзССР). В 1946 г. он поступил на восточный факультет САГУ (ныне ТашГУ им. В. И. Ленина), после окончания которого в 1951 г. был принят в аспирантуру ИВ АН УзССР и прикомандирован к ИВ АН СССР.

В 1954—1955 гг. М. А. Бабаходжаев работал консультантом в Постоянном представительстве Узбекской ССР при Правительстве СССР в г. Москве, а затем — организатором Управления пропаганды ВДНХ СССР.

В феврале 1956 г. М. А. Бабаходжаев успешно защитил в ИВ АН СССР кандидатскую диссертацию на тему «Освободительная борьба народов Афганистана против английских захватчиков в 1838—1842 гг.». В ноябре того же года стал младшим научным сотрудником ИВ АН СССР.

В 1960 г. М. А. Бабаходжаев был избран по конкурсу на должность заведующего сектором Афганистана и Ирана ИВ АН УзССР и с тех пор работает в стенах этого Института, где он ныне руководит отделом социально-экономических проблем стран Ближнего и Среднего Востока.

В 1974 г. М. А. Бабаходжаев защитил в Ташкенте докторскую диссертацию «Основные проблемы эволюции Афганского государства». В январе 1990 г. ему присвоено звание профессора.

В центре внимания ученого-востоковеда прежде всего находится широкий круг вопросов истории, экономики и культуры Афганистана, в частности различные аспекты социально-экономической жизни страны, борьба афганского народа за свою независимость, против колониальной политики империалистических государств, история развития русско-афганских и советско-афганских отношений, в том числе участия в них Узбекистана. О диапазоне научных интересов М. А. Бабаходжаева свидетельствуют его публикации по экономическому и культурному сотрудничеству СССР с развивающимися афро-азиатскими странами, вкладу Узбекской ССР в это сотрудничество, разработке проблем социально-экономического развития стран Ближнего и Среднего Востока.

В целом перу М. А. Бабаходжаева принадлежит свыше 80 работ, в том числе такие книги, как «Борьба Афганистана за независимость» (1960), «Русско-афганские торгово-экономические отношения во второй половине XVIII — начале XX века» (1965), «Очерки социально-экономической и политической истории Афганистана (конец XIX в.)» (1975) и другие публикации, получившие в целом положительную оценку советских и зарубежных специалистов. Ряд работ его изданы в Афганистане на пушту, дари и английском языках. Он является также ответственным редактором и соавтором более 10 коллективных трудов по актуальным и малоизученным проблемам стран зарубежного Востока. По инициативе и при непосредственном участии М. А. Бабаходжаева вышла в свет книга «Республика Афганистан (Опыт и тенденции развития)» — первый в истории советско-афганского сотрудничества в области общественных наук коллективный труд ученых обеих стран.

Много внимания уделяет М. А. Бабаходжаев подготовке высококвалифицированных научных кадров. Под его руководством защищены ряд кандидатских диссертаций, а ныне он является научным консультантом двух докторов и руководит научной работой нескольких аспирантов и соискателей. Росту научных кадров он способствует и как куратор Совета молодых ученых ИВ АН УзССР.

М. А. Бабаходжаев ведет активную научно-организаторскую работу. Так, он был основным организатором двух советско-афганских семинаров, проходивших в Ташкенте в 1987 и 1988 г., а в сентябре 1989 г. был сопредседателем проведенного в Москве международного семинара специалистов Афганистана и стран Восточной Европы, посвященного 70-летию восстановления независимости Афганистана.

Забывая о практическом использовании результатов научных изысканий, М. А. Бабаходжаев рекомендовал востоковедам-экономистам своего отдела с участием экономистов других учреждений республики нацелить свои усилия на разработку конкретных мер, стимулирующих поиск путей совершенствования форм сотрудничества Узбекистана с развивающимися странами, ускоряющих переход от преимущественно торговых связей к производственной и научно-технической кооперации на основе широкого развития прямых и других форм хозяйственного взаимодействия предприятий и учреждений республики с зарубежными партнерами, в том числе с сопредельными странами. А в результате создана республиканская ассоциация по внешнеэкономическим связям, которая уже установила деловые контакты с зарубежными партнерами из ряда афро-азиатских стран.

Плодотворную научную работу М. А. Бабаходжаев успешно сочетает с педагогической деятельностью. В 1979—1981 гг. он вел курс лекций по «Международному коммунистическому, рабочему и национально-освободительному движению» и «Международным отношениям» в Ташкентской высшей партийной школе, а с 1987 г. читает курс лекций по новой и новейшей истории стран Азии и Африки в ТашГУ им. В. И. Ленина.

М. А. Бабаходжаев активно участвует в общественной жизни. Он неоднократно избирался председателем профкома и секретарем партбюро института, является заместителем председателя Узбекского отделения Общества советско-афганской дружбы и председателем секции новой и новейшей истории Общества историков Узбекистана.

Поздравляя Марата Абдусаматовича Бабаходжаева с юбилеем, научная общественность республики желает ему долгих лет жизни, крепкого здоровья и новых творческих успехов.

ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОЛЛОКВИУМ ПО ИСТОРИИ АРАБСКОЙ НАУКИ И ФИЛОСОФИИ

22—25 ноября 1989 г. в Париже проходила работа Международного коллоквиума по истории арабской науки и философии.

Один из организаторов коллоквиума, Институт арабского мира (Institute du Monde Arabe), был учрежден в 1980 г. совместно Францией и 22 арабскими странами с целью углубления их сотрудничества в различных сферах культуры и науки. Здание Института, построенное в центре Парижа на берегу Сены, представляет собой великолепный образец современной архитектуры. Институт арабского мира стал крупным культурным центром, располагающим богатой, оборудованной по последнему слову техники библиотекой, музеем искусства и культуры, в котором представлена, в частности, коллекция арабских научных инструментов, и т. д.

Важнейшим направлением разносторонней деятельности Института является объединение усилий по изучению арабского мира, его языка и культуры, и проблемы истории арабоязычной науки и философии вызывают здесь большой интерес.

Два других организатора коллоквиума — Центр истории арабской науки и философии и группа «Эпистемологические и исторические исследования о точных науках и научных учреждениях» при Национальном центре научных исследований. В организационный комитет вошли сотрудники этих учреждений проф. Рашди Рашед и Жан Жоливе и руководитель отдела культурных связей Института арабского мира Бадр-Эддин Ароади.

Исследованиями по истории арабской науки и философии в настоящее время успешно занимаются ученые разных стран. В научный оборот вводятся все новые арабоязычные письменные источники. На основе их анализа уточняются, а иногда существенно меняются представления о ходе развития некоторых научных дисциплин в средние века — весьма важный, но до сих пор далеко не изученный период истории человеческой мысли. В частности, получено много новых данных о средневековой восточной математике, астрономии, механике и других точных науках.

Успехи, достигнутые в последнее время, привели к мысли о необходимости

создать ассоциацию ученых разных стран, которая объединила бы и систематизировала исследования по истории арабской науки и философии. В этом видели одну из задач парижского colloquiuma его организаторы. Кроме того, он должен был подвести некоторые итоги проделанной работы и наметить планы на будущее.

В числе участников colloquiuma было 66 историков науки и философии из Франции, Бельгии, Великобритании, ФРГ, ГДР, Голландии, Индии, Ирана, Италии, Испании, Канады, США, Турции, а также арабских стран — Египта, Марокко, Туниса. От Советского Союза были приглашены Б. А. Розенфельд, М. М. Рожанская (Москва) и Г. П. Матвиевская (Ташкент).

Работа проходила в двух группах. В одной было заслушано и обсуждено 24 доклада по истории арабской философии, в другой — 27 докладов по истории математики, астрономии, оптики и механики в средние века на Ближнем и Среднем Востоке и в других арабоязычных странах. Членами советской делегации сделаны следующие доклады: «Средневековые арабские труды по сферике» (Г. П. Матвиевская), «Сферическая тригонометрия у ал-Хорезми, ал-Махани и Сабита ибн Корры» (Б. А. Розенфельд), «Математические методы в арабской механике» (М. М. Рожанская).

В заключение работы colloquiuma было проведено организационное собрание вновь созданного Международного Общества истории арабской и исламской науки и философии, принят его статус и избрано руководство.

Г. П. Матвиевская

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ГОРОД И ПРОЦЕСС УРБАНИЗАЦИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ (ДРЕВНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ)»

5—9 сентября 1989 г. в Намангане по инициативе Института археологии АН УзССР и отдела теории и методики Института археологии АН СССР была проведена Межрегиональная конференция, посвященная процессу урбанизации Средней Азии сравнительно с процессами развития городов Ближнего и Дальнего Востока, Европы и Северной Африки, теоретическим и методологическим аспектам изучения данного процесса.

В работе конференции приняли участие 54 специалиста научных учреждений АН СССР: Института археологии, Института истории СССР, Института этнографии, Института всеобщей истории (Москва), ЛОИА АН СССР (Ленинград); Института археологии АН УзССР (Ташкент), Института истории АН ТуркмССР (Ашхабад), Института истории АН ТаджССР (Душанбе), Института истории, археологии и этнографии АН КазССР (Алма-Ата), Института истории АН КиргССР (Фрунзе), Института стран Азии, Африки при МГУ, Всесоюзного института системных исследований при Совмине СССР (Москва), Таджикского и Ташкентского госуниверситетов, Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ (Москва), а также Хьюнтер колледжа (Нью-Йорк, США). На заседаниях конференции присутствовали преподаватели Наманганского госпединститута, школ Намангана и области, сотрудники краеведческих музеев Ферганской долины (всего 124 человека).

На конференции было заслушано 34 доклада, в которых освещались вопросы:

а) теоретического плана — определение города, генезис, этапы и пути развития, взаимосвязи города, государства, классового общества, вопросы формационной характеристики, критерии и функции, факторы развития города и др.;

б) медико-методологического порядка — принципы системного подхода, математического моделирования;

в) проблемно-исторического характера — возникновение древнейшего города и особенности древних городов, специфика античного города и полиса, особенности развития средневекового города, вопросы развития ремесла и его роли в организации города, торговли и караванных путей, взаимосвязи город — село — кочевая степь;

г) социально-экономические и культурные факторы, влиявшие на процесс урбанизации.

Конференция открылась совместным докладом А. А. Аскаророва (Ташкент), Ю. Ф. Бурякова (Самарканд), В. И. Гуляева и Э. В. Сайко (Москва) — «Изучение города в познании культурно-исторического процесса».

Зачитывая доклад, акад. АН УзССР А. А. Аскароров подчеркнул, что в проблеме города как интегрирующего центра современной системы организации общества сконцентрированы наиболее острые современные направления наук — демографии, экономгеографии, социально-политической истории, экологии. Выявление закономерностей процесса урбанизации невозможно без изучения генезиса городов и ранних ступеней их развития.

В системе исторических знаний о городе были выявлены две основные линии — теоретическое осмысление его специфики, лежащее в основе познания исторической природы города, и раскрытие динамики урбанизационных процессов. В рамках первой линии применяются морфологический, функциональный и генетический методы

с ранжированием функций, в рамках второй — историзм сочетается с демографическими, экологическими и экономическими факторами и характером системных связей.

Докладчик выделил важнейшие направления исследования города: методические и хронологические — с определением специфики отдельных этапов.

Детализация теоретико-методологического аспекта были посвящены доклады: В. И. Гуляева (Москва) — «Современные теоретические подходы к изучению урбанизма» на примере раннеклассовых государств Мезоамерики с выделением регионального и культурно-экологического подходов к изучению городов и необходимости комплексного трехступенчатого рассмотрения систем расселения (постройка, поселение, система); Г. Джонсона (Нью-Йорк) — «Проблема сопоставления в урбанистических обществах США», где были проанализированы эмпирический метод с его сильными и слабыми сторонами и системный, позволяющий раскрывать сочетание функций и иерархию структуры системы «ранг — размер» с примерами от Древнего Востока до современных городов США; Э. В. Сайко (Москва), сделавшей акцент на двух аспектах характеристики города — как организма, важнейшего на определенной ступени общественного развития в конкретной исторической ситуации, и как фактора, стимулирующего культурно-исторический процесс.

Л. В. Данилова (Москва) подчеркнула, что различные виды разделения труда существовали в доклассовом обществе и это составило предьсторическое сложение города, который сам является продуктом расчленения гетерогенной общины.

Серия докладов была посвящена временным проблемам урбанизации. Ю. А. Заднепровский проанализировал весь процесс сложения городов в Среднеазиатском регионе, отнеся его начальный этап к раннежелезному веку и генетически связывая его с городами древневосточного типа.

В докладе А. Аскарлова, Т. Ширинова рассмотрен пример древнего города — Джаркутана, который в процессе дискуссии было предложено более решительно связывать с типом общества со вполне ощутимой классовой дифференциацией.

В докладах Б. В. Андрианова, И. А. Аржанцевой, Д. В. Деоник, Е. В. Ляпустин, С. Б. Лузиной, Г. И. Богомолова, М. И. Филанович, А. А. Грицины, Ю. Ф. Бурякова, Н. Рахимбабаевой прозвучали суждения по таким аспектам древней и средневековой урбанизации, как роль ирригации в сложении городов, формирование многочастотной структуры среднеазиатского города, роль традиций и инноваций в формировании городской культуры, особенности развития феодального города на Востоке, этапы формирования городских систем различных регионов, структура и ведущие функции городов на различных этапах, роль торговых путей и трасс культурно-этнических контактов в процессе урбанизации.

В третьей группе докладов были рассмотрены факторы, способствовавшие развитию городов и процессу урбанизации. Г. Б. Новицкая подчеркнула роль внешних отдаленных связей в формировании городов на примере древней и средневековой Японии, где проявился ряд западных инноваций. Б. С. Ляпустин остановился на роли ремесла в эволюции города, вопросах связи процесса урбанизации с уровнем развития городского ремесла. М. А. Бубнова обратила внимание на роль и приближенность сырьевых источников в процессе градообразования. Л. К. Мирбабаев уделил внимание духовной культуре древних городов и идеологическому фактору урбанизации.

В совместном докладе Ю. Я. Якубова, В. В. Радилиловского (Душанбе) и Ю. Ф. Бурякова (Самарканд) «Роль торговых путей в урбанизации Средней Азии» был дан методологический анализ этапов экономических взаимосвязей и роли торгового фактора в сложении систем связей и структуры городов, уделено внимание историческим факторам обмена — внутриобщинному обмену между протоурбанистическими обществами, между скотоводческими группами, между географически отдаленными общностями, анализ которых приводит к выводу о том, что урбанистическому обществу свойственны лишь формы обмена, разрушающие внутриобщинные связи.

В рамках конференции было проведено два «круглых стола»: «Город и формация» и «Экологические факторы и процессы урбанизации». В первом из них активное участие приняли акад. АН УзССР А. А. Аскарлов, чл.-кор. АН ТаджССР Н. Н. Негматов, доктора ист. наук В. И. Гуляев, Л. В. Данилова, Е. А. Атагарриев, Ю. Я. Якубов, кандидаты ист. наук Ю. В. Павленко, Е. В. Ляпустина, В. В. Радилиловский и др. Объектами дискуссии были такие вопросы, как время, условия формирования, элементы города как специфической единицы расселения, роль античного города как ведущей части структурной организации рабовладельческого общества и средневекового города как части феодального общества, особенности структурной организации древнего и средневекового города, их социальная и экономическая характеристики, факторы идеологического плана, роль храма на Востоке, в том числе в Средней Азии, как катализатора интерпретивных процессов. Отмечена важность изучения уникального в этом плане городища и храма Джаркутан (Сурхандарьинская область).

В проведении второго «круглого стола» участвовали доктор ист. наук В. И. Гуляев, Э. В. Сайко, Ю. Я. Якубов, Ю. Ф. Буряков, кандидаты ист. наук Б. С. Ляпустин, Ю. В. Павленко и др. Здесь обсуждались вопросы взаимосвязи и

взаимовлияния экологии и урбанизации. Обращено внимание на вопросы взаимосвязи окружающей среды и сложения городов, зональность процесса урбанизации. Отмечена непоосредственная роль географического фактора (равнина, предгорья, горы) на направленность и функцию города как центра земледельческой округи, торгового пункта, ремесленного центра или промежуточного пункта переработки сырья.

Ю. В. Павленко, Ю. Я. Якубов, Л. В. Данилова обратили внимание на усадебную теорию урбанизации. Отмечена большая роль усадебной застройки в различных регионах мира, обусловленная, видимо, экологической ситуацией и площадью, пригодной для обработки.

Участники конференции провели выездное заседание на археологических памятниках — средневековом центре Северной Ферганы Ахсыжете, в одном из городских пунктов на центральной трассе Великого шелкового пути — городище Мархамат (средневековый Пап), на Чустском поселении эпохи поздней бронзы, ознаменовавшись с уникальными по своей сохранности находками Мархаматского некрополя, включающими около 30 захоронений в камышовых саркофагах с богатым инвентарем, характеризующим материальную культуру IV—VIII вв. н. э.

В заключении конференции в качестве важнейших проблем в изучении города и процесса урбанизации были выделены: 1) изучение эпохи и условий становления древнейшего города и начала урбанизации Средней Азии; 2) стадийная характеристика процесса урбанизации и особенностей его на различных этапах и в разных формациях; 3) социально-экономическая обусловленность и основания возникновения города; 4) дифференцированный анализ функциональной характеристики города на разных этапах исторического развития общества; 5) выявление и характеристика факторов, обуславливающих становление и развитие города; 6) экологические проблемы города; 7) город в социально-пространственной структуре взаимосвязи город — сельское население — степь. Было подчеркнуто, что для решения проблем урбанизации необходимо выработать единые методологические принципы их исследования.

Основные доклады конференции решено издать в виде специального сборника.

Ю. Ф. Буряков, М. И. Филанович

ВТОРАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ОНОМАСТИКЕ УЗБЕКИСТАНА

14—16 сентября 1989 г. в Карши прошла вторая республиканская научно-практическая конференция «Ономастика Узбекистана». Она была организована Каршинским госпедinstitutом, Институтом языка и литературы АН УзССР, Узбекским фондом культуры. В работе конференции приняли участие около 200 ученых из Москвы, Ленинграда, Ташкента, Баку, Алма-Аты, Фрунзе, Душанбе, Тбилиси, Казани, Уфы, Пензы, Кзыл-Орды, Кызыла, Ленинабада, всех областных центров УзССР, преподавателей вузов и средних школ, работников музеев, ЗАГСов Кашкардарьинской области. Было заслушано и обсуждено более 120 докладов и сообщений. Работали три секции: 1) топонимика, 2) антропонимика, 3) общие и прикладные вопросы ономастики. Зоонимика. Ктемонимика. Космонимика. Выпущены тезисы докладов¹.

Основными целями конференции были подведение итогов проведенных исследований и обсуждение вопросов систематизации принципов номинации, определение статуса ономастической лексики в дихотомии «язык и речь», общности и различия в образовании ономастической и апеллятивной лексики, типологические особенности ономастической лексики, сопоставления топонимии различных регионов, взаимовлияния языков в области ономастикона, место ономастики в системе учебных дисциплин и др.

На пленарных заседаниях выступили: Э. А. Бегматов («Тенденции развития современной узбекской антропонимии»), Т. М. Ахмедов («Ономастика и лингвистика»), В. Д. Бондалетов («Методы сравнительно-типологического изучения родственных и неродственных антропонимических систем»), А. Шерматов, Т. Нафасов («Из истории формирования и развития узбекской ономастики как науки и ее перспективы»), С. Караев («Узбекская этнонимика»), П. В. Ермаков, Э. К. Юнусова («Преподавание ономастики в Узбекистане»).

Э. А. Бегматов (Ташкент) остановился на лингвистических и экстралингвистических факторах развития узбекской антропонимии. Докладчик обратил внимание на существенное обновление состава узбекских антропонимов за годы Советской власти и на переосмысление содержания многих старых антропонимобразующих компонентов. Он отметил, что в этой системе почти исчезло влияние религиозного фактора, что привело к коренному переосмыслению таких исторических традиционных-религиозных имен, как Абдулла, Шамсиддин, а отражение феодально-сословного

¹ Ономастика Узбекистана: Тезисы II республиканской научно-практической конференции (г. Карши, 14—16 сентября 1989 г.). Ташкент, 1989. 208 с.

Деления населения в антропонимах устранено полностью; универсализация антропонимов привела к резкому сокращению узбекского антропонимического фонда.

В докладе Т. М. Ахмедова (Баку) упор был сделан на различие методики изучения вторичных онимов и первичной апеллятивной лексики, на вопросы их соотношения. В докладе В. Д. Бондалетова (Пенза) были раскрыты возможности количественно-качественного метода в определении сходства и несходства между именниками разных народов, выделены единицы сопоставления (сами системы антропонимов, их фрагменты, статистическая структура личных имен), показаны конкретные результаты сопоставления славянских (русского, украинского, белорусского) и тюркских (узбекского, казахского, азербайджанского и др.) языков.

Автор показал приложимость своего количественно-качественного метода для синхронического и диахронического сравнения ономастиконов различных языков народов СССР и мира.

А. Шерматов (Ташкент), Т. Нафасов (Карши) выделили три этапа в развитии узбекской ономастики: 1) донаучный (до конца XIX в.), 2) научный, но не ономастический (начало XX в.—60-е годы), 3) ономастический; дали характеристику основных разработок каждого этапа, их особенностей, научно-методической основы исследований. Резкое усиление сравнительно-типологических, ареальных, семантико-функциональных исследований определяет, по мнению докладчиков, перспективы развития узбекской ономастики.

В докладе С. Караева (Ташкент) были рассмотрены вопросы взаимоотношений этнонимов, топонимов, антропонимов, их взаимопереходы, значение при изучении истории духовной и материальной культуры и этноса.

В Узбекистане начало изучения ономастики как особой учебной дисциплины относится, как отметили П. В. Ермаков, З. К. Юнусова (Ташкент), к середине 70-х годов. Первопроходцами здесь выступили кафедры узбекского языковедения ТашГУ, СамГУ, Каршинского, Хрезмского, Сырдарьинского, Ферганского, Самаркандского ГПИ. Объектом изучения была в основном топонимия. МНО УзССР изданы программы спецкурса и спецсеминаров, пособие по топонимике, вопросники для сбора и систематизации топонимов; для чтения лекций приглашены ведущие специалисты (В. А. Никонов, В. Д. Бондалетов). Для развития этой дисциплины необходимы обобщение собранного материала, срочное составление учебного пособия «Узбекская ономастика», учебных словарей.

На заседаниях секции «Топонимика» было заслушано и обсуждено 70 докладов и сообщений. Вопросы общетюркского топонимического фонда были подняты в докладах Т. Джанузаква (Алма-Ата), Г. Ф. Саттарова (Казань), И. Г. Добродомова (Москва), В. П. Яйленко (Москва), М. Гаджихалилова (Тбилиси). В них в лингво-историческом, ареальном и топологическо-структурном аспектах были проанализированы гидронимы Иртыш, Ишим, Талас, Чу, Или, Урал, Нура, Каспий и др.; болгарский пласт с компонентами шар, сари/саз, идел, сырма/ширма, кутер, кирман, чал/чул, чаллы, табыр, терек; аланский, буртаский и енисейско-кетские реликты в тюркоязычных регионах.

Сопоставительное изучение топонимов Узбекистана с топонимией Киргизии, Казахстана, Закавказья, Урало-Алтайского региона было затронуто в докладах М. Маметова (Гулистан), А. Шукюрова (Баку), А. Джакыпова (Кзыл-Орда), Х. Ханмагомедова (Кызыл), Т. Ишанкулова (Фрунзе), Г. Мешадиева (Баку), А. Бурнева (Ташкент), А. Сапарбексвой (Алма-Ата), Э. Нуриева (Баку), Я. Хужамбердиева (Термез), С. Керимова (Баку), Н. Ахунова (Коканд).

Происхождение, морфемный и фонетический состав, семантико-структурные и функциональные особенности конкретных топонимов были предметом обсуждений более чем в 20 докладах. Здесь привлекают внимание интерпретация топонимов Сырдарья (Б. Уринбаев), Ширбудун (Х. Нигматов), Хазара (Х. Данияров, Б. Юлдашев), Гогар (Ф. Джалилов), Джизак (А. Закиров), Барсанжон — совр. Нарын (Т. Чороев), Тахтакарача, Терсак (У. Саидов), Гусар, Косары, Кусэри (Т. Ахмедов), Махаса/Мохоса (З. Юнусова), Байсун (Х. Халмуминов), Карши (В. И. Коваленко), Касан (К. Усмонов), Бешкент (Р. Киямов), Нурата (Р. Бабаходжаев), Китоб (Н. Абдулхалилов), топонимических формантов -кент, -абад (М. Рамазанова), -кат, -кант (А. Абдунабиев), -кас, -вара, -пур, -кала (З. Дусимов), -гар/-гыр/-гара,/-кар (В. Тангирвердиев), арык (Х. Джаббаров, К. Маркаев), а также изучение стилистической функции топонимов и антропонимов в художественной речи (Э. Кличев, Б. Чарыев, Ф. Эшимов, М. Нурулу). В докладе К. Ачылова был поставлен вопрос о выделении особого жанра — топонимического фольклора, посвященного интерпретации отдельных древних ойконимов, оронимов и гидронимов, в частности функционирования в составе топонимов народных географических терминов (К. Хуррамов, Э. Нуриев, Н. Баймуратов, Т. Урунов, Т. Кудратов), и соматической лексики (Ш. Курбанов, У. С. Хван).

На заседаниях секции «Антропонимика» было заслушано и обсуждено 20 докладов и сообщений, посвященных вопросам антропонимического словообразования (С. Хальметова, З. Хайдарова, Н. Мирзаев, Г. Муротова, Н. Эльмуродов, У. С. Хван), онимов в русских, узбекских и интернациональных семьях г. Карши (С. Дубова, Л. Халилова), диалектальным основам узбекских антропонимов (Г. Сатторов, Л. Кям), способам передачи узбекских собственных имен в русском языке (З. Муртозов, М. А. Абдурахмонов, Г. Ходжаев, Н. Мирзаев, Э. Бабаев, С. Мильдизина).

Т. Нафасов и К. Маркаев (Карши) в своем докладе рассмотрели особенности функционирования этнонимов қараман, дуғлат, авшар, алпан/албан, абат, қоракўз, бажмал/бахман, абдал, чавдур, бўзтўн, қилич, олчин, тўғиз, бойсун, тоғай, боёт, дувон, боён, болта, кўчар в составе древних и современных узбекских личных имен. Доклады М. Адылова и А. Шерматова (Ташкент) затронули вопросы лингвистической и экстралингвистической характеристики тюркских сложных антропонимов. Докладчики пришли к выводу, что лингвистическую основу сложных личных имен составляет принцип размежевания апеллятивного и ономастического значений. Сигнализаторами ономастиконов, автоматически отличающими их от апеллятивной лексики, выступают элементы -хан, -бала, -ага, -дин, -али, шаһ, -даш, мир-, проанализированные в докладе М. Адылова, и -хонум/ -хоним, -бетим, -ой, -жон, -хон, -мурод, -тул, и др., рассмотренные А. Шерматовым. С интересным сообщением о взаимоотношении между антропонимами, прозвищами и табу и эвфемизмами в казахском языке выступила Н. Ергазыева, отметившая их постоянные взаимопереходы.

В третьей секции было заслушано около 30 докладов и сообщений по общим и прикладным вопросам ономастики (А. Чарьев, А. Куванов, С. Абдуллаев, К. Аллаев, И. Усманов, К. Суяров, А. Курбанов, Т. Уринов), особенностям зоонимов (Б. Чарьев), номинационным принципам литературных произведений (Э. Шадманов). Вопросы билингвизма и языковых контактов на уровне ономастики освещались в сообщениях А. Шайхулова (Уфа), Н. Шаропова (Самарканд), А. Хазраткулова, К. Сулайманова (Карши).

Конференция приняла рекомендации, в которых, в частности, подчеркивается историко-педагогическая и общественно-политическая значимость сохранения и восстановления древних названий как памятников культуры и истории узбекского народа:

Х. Г. Нигматов, Т. Н. Нафасов

МУНДАРИЖА

А.	А. Азизхўжаев. Совет давлатининг ҳуқуқни муҳофаза қилиш вазифаси ва унинг ҳуқуқни муҳофаза қилишнинг бошқа кўринишлари билан ўзаро муносабати.	3
О.	К. Султонов. Ўзбекистон тўқимачилик саноатида янги хўжалик механизмининг шаклланиши ҳақида.	9
Т.	О. Ортиқов. Физик реалликнинг квант механикаси таърифи муаммосига оид.	14

Тарих саҳифалари

Ҳ.	З. Зияев. Ўзбек хонлиқларини чоризм томонидан босиб олиниши тарихига оид.	22
----	---	----

Фан янгиликлари: изланишлар, топилмалар, кашфиётлар

В.	И. Ионесов. Жарқўтондаги қадимги қабрнинг диний урф-одатлар бўйича дафн этилиши.	31
С.	Р. Баратов, Л. С. Баратова. Қадимги Варзик қабристонига ноёб топилма.	35

Олий ўқув юрти ўқитувчиларига ёрдам

С.	И. Еқубова. Андижон Давлат медицина институтини бўлажак шифокорларининг этик тарбияси тажрибасидан.	38
----	---	----

Манбашунослик

Э.	Э. Каримов. XV асрдаги Мовароуннаҳр тарихини ўрганиш бўйича «Ра-шахот аъён ал-ҳайъат» манба сифатида.	40
----	---	----

Тарихшунослик

Ф.	Х. Қосимов. 1920 йилда Хоразм ва Бухорода халқ революцияларининг энг янги тарихшунослигида баъзи масалалар.	44
----	---	----

Янги китоблар

Т.	Ғ. Ғиёсов. И. М. Хошимов, М. М. Кутина. Ҳиндистон миллий конгресси ва Ҳиндистон регионал жамоат ташкилотларининг фаолияти.	48
----	--	----

Юбиляримиз

М.	А. А. Бобохўжаев таваллудининг 60 йиллигига.	49
----	--	----

Хроника

Г.	П. Матвиевская. Араб илмлари ва фалсафаси тарихи бўйича халқаро анжуман.	50
Ю.	Ф. Буряков, М. И. Филанович. «Шаҳар ва ўрта Осиёда урбанизация жараёнининг (қадимги ва ўрта асрлар)» регионлараро конференцияси.	51
Х.	Г. Нематов, Т. Н. Нафасов. Ўзбекистонда ономастика бўйича иккинчи республика илмий-амалий конференцияси.	53

СОДЕРЖАНИЕ

А. А. Азизходжаев. Правоохранительная функция Советского государства и ее соотношение с другими видами правоохраны	3
А. К. Султанов. О формировании нового хозяйственного механизма в текстильной промышленности Узбекистана	9
Т. А. Артыков. К проблеме квантовомеханического описания физической реальности	14
Страницы истории	
Х. З. Зияев. К истории завоевания узбекских ханств царизмом	22
Новое в науке: поиски, находки, открытия	
В. Ионесов. Культовое захоронение на Джаркутане	32
С. Р. Баратов, Л. С. Баратова. Уникальный брактееат из Варзикского могильника	35
В помощь преподавателям вузов	
С. И. Якубова. Из практики этического воспитания будущих врачей в Андижанском госмединституте	38
Источниковедение	
Э. Э. Каримов. «Рашахот 'айн ал-хайат» как источник по изучению истории Мавераннахра XV века	40
Историография	
Ф. Х. Касымов. Некоторые вопросы новейшей историографии народных революций 1920 года в Хорезме и Бухаре	44
Новые книги	
Т. Гиясов. <i>И. М. Хашимов, М. М. Кутина. Деятельность Индийского национального конгресса и региональных общественных организаций Индии.</i>	48
Наши юбиляры	
К 60-летию М. А. Бабаходжаева	49
Хроника	
Г. П. Матвиевская. Международный коллоквиум по истории арабской науки и философии	50
Ю. Ф. Буряков, М. И. Филанович. Межрегиональная конференция «Город и процесс урбанизации Средней Азии (древность и средневековье)».	51
Х. Г. Нигматов, Т. Н. Нафасов. Вторая республиканская научно-практическая конференция по ономастике Узбекистана	53

НАШИ АВТОРЫ

- Зияев Х. З.** — доктор исторических наук, зав. отделом новой истории **Узбекистана** Института истории АН УзССР.
- Касымов Ф. Х.** — доктор исторических наук, профессор БухТИПЛП.
- Азизходжаев А. А.** — кандидат юридических наук, доцент юрфака **ТашГУ** им. В. И. Ленина.
- Артыков К. А.** — кандидат философских наук, доцент АндГосМИ.
- Султанов А. К.** — кандидат экономических наук, докторант **Института экономики** АН УзССР.
- Якубова С. И.** — ст. преподаватель АндГосМИ.
- Каримов Э. Э.** — мл. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Баратова Л. С.** — ст. лаборант Института археологии АН УзССР.
- Баратов С. Р.** — аспирант Института археологии АН УзССР.
- Ионесов Е.** — аспирант Института археологии АН УзССР.

Цена 65 к.

Индекс
75349